

Фильм

Я ВЕРНУСЬ

Сцена

1.73

Кадр

2

Дубль

2

Дата

27 МАР

Камера

РОЛ. 40А

Фильм

Звук proline
С

14532

18+

Елена Немых
Под знаком OST

«Автор»

2026

Немых Е.

Под знаком OST / Е. Немых — «Автор», 2026

Идея фильма «Я вернусь» по мотивам книги «Под знаком OST» у меня появилась в 2004-м. Приближалась дата: 60-летие Великой Отечественной войны. Огромное количество документальных и художественных фильмов появилось на теле- и киноэкранах. Вторая мировая война, начавшаяся в 1939-м и ставшая проклятием для всего мира, вдохновила именно меня придумать кино на оригинальную и никем не снятую идею: о судьбе D. P. (displaced persons), в том числе об остарбайтерах.

© Немых Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

книга 4	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Под знаком OST

книга 4

Идея фильма «Я вернусь» по мотивам книги «Под знаком OST» у меня появилась в 2004-м. Приближалась дата: 60-летие Великой Отечественной войны. Огромное количество документальных и художественных фильмов появилось на теле- и киноэкранах. Вторая мировая война, начавшаяся в 1939-м и ставшая проклятием для всего мира, вдохновила именно меня придумать кино на оригинальную и никем не снятую идею: о судьбе Д. Р. (displaced persons), в том числе об остарбайтерах. © Елена Немых, 2025

Посвящается жертвам диктатур

События, описанные в книге, являются художественным вымыслом, имеют совпадения с реальными событиями, однако не являются воспоминаниями конкретных людей.

Предисловие

Идея фильма «Я вернусь» по мотивам книги «Под знаком OST» у меня появилась в 2004-м. Вторая мировая война, начавшаяся в 1939-м и ставшая проклятием для Европы, вдохновила именно меня придумать кино на оригинальную и никем не снятую идею: о судьбе D. P. (displaced persons), в том числе об остарбайтерах. В 2007 году я сняла документальный фильм «Рабы двух диктатур» (автор и режиссер: Елена Немых, продюсер: Юрий Бабуров, Елена Немых), премьера которого состоялась в 2018 году на фестивале «Документальная среда», в 2009-м на телеэкран вышел 12-серийный фильм «Я вернусь» с участием актеров театра и кино, таких как: Елизавета Боярская, Юлия Пересильд, Елена Подкаминская, Елена Николаева, Роман Полянский, Дмитрий Миронов и др. Я благодарна судьбе за все те встречи,

которые произошли у меня во время написания книги «Под знаком OST», а также подготовки, съемки, постпродакшена, телевизионных и интернет-премьер художественного фильма «Я вернусь» (автор идеи: Елена Немых, автор сценария: Наталья Назарова, режиссер-постановщик: Елена Немых, продюсеры: Игорь Толстунов, Анна Кагарлицкая) о судьбе остарбайтеров.

Наталья Назарова — сценарист и режиссер сделала бесконечно много для этого проекта, но ушла от нас безвременно (1969—2025).

Я посвящаю эту книгу ей.

Елена Немых, режиссер-постановщик художественного фильма

«Я вернусь», автор книги «Под знаком OST»

Глава 1. Харовская деревня / Рыблаг. 1953

Зима накрыла Харовскую область обильным снегом. Две тонкие фигурки в телогрейках, пуховых платках и больших, не по размеру валенках, ежились у маленького холмика с крестом. Вернее двух холмиков. Муся и Гуля стояли рядом с могилой сестры Зои и дочери Муси: Дины. Гуля и Муся грустили, им вспомнилось: сестры Растопчины собирались в Москву домой уже в начале зимы. Зоя Растопчина, главврач местной амбулатории в деревне под Харовском, числилась на хорошем счету, мечтала вернуться домой в Москву, однако холера догнала ее. Мечта вернуться в Москву- осталась мечтой. Скромные похороны, толпа бывших пациентов больницы, медсестры- Зою проводили тихо. Семья Анисимовых: глава Харовского НКВД, его жена Светлана и их дочь, когда-то счастливо спасенная старшей сестрой Растопчиной от крупа, также приехали на кладбище. Ссылных они не любили, но помнили о спасении своей дочери

долго. Анисимов мрачно смотрел на таблички с датами жизни и смерти, потом сел в черный «воронок», крикнул жене.

— Светлана! Поехали в Харовск! Не уехали они ни в какую Москву, вот холера догнала. Садись давай. Завтра ты у меня больницу Растопчиной возглавишь. Кстати, хотел тебе сказать следующее: не болтай лишнего. Вчера депеша из Москвы пришла по поводу болезни Сталина и амнистии для всех ссыльных. Уедут они скоро! Марию и Галину, я имею в виду...

— Эх... Не любила я ссыльную... Зою Растопчину. (крестится) Царствие ей небесное!

Она махнула на свою дочь рукой, они сели в машину к Анисимову и уехали. Зоя и Дина умерли от холеры зимой, их догнала и уничтожила болезнь, не смотря на то, что старшая Растопчина работала в местной деревенской больнице, а может именно из-за этого болезнь не пощадила ее. За ней ушла и одиннадцатилетняя Дина. Скромные крестики и таблички с надписью от руки химическим карандашом: «Зоя Растопчина, 1915–1953; Дина Растопчина, 1942–1953», припорошенные снегом, стояли на их могилах.

Лица девчонок: Гули и Муси заветрелись, в углах глаз появились мелкие морщинки, они не то, что повзрослели и возмужали, а скорее стали старше, мудрее, но в углах глаз блестели слезинки. Похожие, чуть раскосые, кошачьи глаза, девчонки походили друг на друга не только лицом, но и фигурами. Муся осталась за старшую, Гуля, младшая, старалась слушать во всем свою сестру. Она трудилась вместе с Зоей в местной амбулатории. Как удалось ей выжить, знало только providение, но она остались живыми после свирепствующей

в этих краях холеры. Муся выжила в местном ДК, где трудилась учительницей музыки. Она рукой смахнула снег с крестов, затем положила домик из спичек на могилу Зои, отошла в сторону, перекрестилась. Гуля посмотрела на домик и сказала:

— Хочешь здесь оставить? Это папин?

— Всю войну со мной, а сейчас — да... Хочу оставить здесь. (через паузу) Ладно, пойдем папину могилу навестим...

Через пять минут они подошли к могиле отца: Растопчина Василия Андреевича. Его могила с номером 8087 на дальнем кладбище для эков они навещали не часто. На дощечке сидела черная ворона, увидев Мусю и Гулю, она взмахнула крыльями и полетела. Гуля смахнула снег с дощечки, замолчала. Им с сразу хотелось перенести то, что осталось от отца, в могилу к сестре Зое, но после похорон они засуетились и затея канула в лету. Северный ветер трепал концы платков, серый пух трепетал под порывами на головах девчонок.

Через час они ехали в город Харовск на подводе с санями. Рассвет пятого марта 1953 года оказался солнечным, ярким лучом солнце осветило местную церковь в строительных лесах. Колокольня вся в снегу размещалась на острове. Печальный колокол звенел над опустевшим храмом, и через некоторое время на замороженной реке рядом с ним появились черные сани, запряженные черным рысаком. Уже к 13 часам они успела в Харовский НКВД. На площади рядом с областным наркоматом внутренних дел в городе Харовске проходил стихийный митинг по поводу смерти Сталина, организованный парторгом.

— Предлагаю почтить память Иосифа Виссарионовича минутой молчания.

Парторг махнул рукой монтеру, тот подсоединил радиотарелку к розетке, и из радио сначала зазвучал похоронная музыка, а потом голос Левитана сказал торжественно: «Сегодня, 5 марта 1953 великий вождь, Иосиф Виссарионыч Сталин скончался».

Трибуну рядом с Харовским НКВД украсили еловыми ветками, люди рядом напряженно вслушивались в голос диктора. Радио с минуту молчало, а потом неожиданно прорезавшийся голос Левитана объявил минуту молчания и включился метроном. Муся Растопчина остановилась на минуту, Гуля застыла рядом. Монтер влез на столб, подкрутил ручку радио, прибавляя звук. Однако слышно было лишь шуршание радиоприемника. Марфа, местная продавщица, охнула, запричитала в звенящей тишине.

— Боже мой! Что же будет дальше? Ничего себе! (видит Мусю) Мария Васильевна, а газеты почтальон привозил сегодня вам?

— Я не знаю.

Муся хотела ответить, но на крыльцо НКВД выбежал Анисимов, подбежал к синему ящику, на котором было выдавлены буквы «Почта» и мелкими белыми буквами «СССР», полез в него, достал несколько газет: «Правду», «Известие» — и быстро развернул. На первой полосе каждой из них виднелась фотография Сталина в черной рамочке, даты его жизни и смерти: 1878–1953.

Муся и Гуля Растопчины подошли поближе к двери, зашли внутрь НКВД. Гуля прикрыла дверь. В пустынном коридоре в самом конце открылась дверь, выглянул Анисимов и махнул рукой девушкам. Муся и Гуля заглянули в кабинет главы Харовского наркомата внутренних дел. Анисимов сказал:

— Мария Васильевна? Галина Васильевна? Какими судьбами в наши края? И что хотели? Вспоминаю вашу сестру Зою, царствие ей небесное.

Муся помолчала:

— Да. (сухо) Не дождалась она вот отъезда.

— Вы откуда узнали о смерти вождя?

— По радио!

— Приехала просить о досрочном освобождении? Я уже в курсе всего. Светлана, моя жена, мне рассказала, что вы от нас уезжаете.

— Да... Вот мы подавали прошение не один раз. И Зоя подавала. Но...

— Помню. Отказал я ей. Сестра Гуля тут плакала зимой. Просила. Правда ведь? Вы с Зоей приезжали!

Гуля кивнула головой и чуть не расплакалась. Анисимов свирепо посмотрел на нее, холодно обратился к старшей.

— Скажите, Муся, вот моя жена Светлана долго благодарила вашу сестру за спасение своей дочери, но, к сожалению, она сама не спаслась от холеры. Да и других не спасла. Даже вашу дочь Дину. Она ведь Ваша приемная дочь?

— Я ее нашла в Белоруссии, в 1945-м, когда возвращалась на родину с бывшей остовкой, Шурой Петровой.

— Врете вы все. Вот ваша анкета. Помечено: отец Дины Растопчиной — Стефан Мишо, француз. Мария Васильевна Растопчина. (тыкает ей в грудь) Вы! Вы были на оккупированной территории.

— Вы можете мне не верить. Помогите мне уехать домой, в Москву. Вот прошение от нас с сестрой!

Муся положила письмо от ДК Харовского района, в письме было ее имя: Мария Растопчина, а рядом имя сестры: Галина Растопчина.

Анисимов заглянул в бумагу.

— Светлане моей кланяйтесь, она в Зоинной амбулатории ведет приемы теперь с понедельника по четверг. Именно она отправила запрос в Москву по поводу вас. Отправила еще в январе. Ответ пришел из московской больницы «Медсанчасть», в которой работали Зоя и ваша младшая сестра Гуля. Ей разрешили вернуться в Москву, вернее ей и Зое.

— Муся и Гуля переглянулись: эх, Зойка не дождалась!

— Ваша сестра Зоя халатно отнеслась к своим обязанностям и из-за нее майор Жлудов руку потерял, я так понял! (смотрит в дело) Все есть в деле! Галина наверное сможет вернуться в свой госпиталь, она к в деле не проходит..Да и лимит там принимают. А вот для вас, Мария, есть только места работы по лимиту трудовых ставок в столице, в ДК Железнодорожника! Ответил мне некто:(смотрит в бумагу) Уткин, Николай Петрович, готов принять. Другого шанса уехать из Харовска у вас нет.

— Услышать фамилию своего бывшего мужа Уткина, Гуля вспыхнула. Она посмотрела на Мусю коротко, а когда вышла на улицу сказала:

— При чем тут Уткин? Тетя Лиля же написала, что он на Дальний Восток уехал и думать про нас забыл. Не ожидала!

— Не знаю, Гуля... Но на бумаге из Москвы его подпись стоит.

К вечеру Муся Растопчина опять преподавала музыку в своей деревне. Занятия шли в местном Доме культуры. Приехав сюда в 1946-м, сестры Растопчины стали жить у глухонемой Лены в деревенском доме, и Муся сразу устроилась на работу учительницей музыки. Письма от тети Лили из Москвы и Мити Андреева из Рыблага приходили редко. Лили Шварц ждала возвращения сестер в столицу. Митя сообщал каждый год, что подавал прошение об амнистии в Рыблаг. И своему жениху и тете Лиле Муся отвечала одинаково: *«Надеемся вернуться»*. Вот и сейчас она отправила письма сразу на два адреса: в Москву и в/ч 126345, в Рыблаг — Андрееву, когда зашла на почту. Чуть позже девушка зашла в директорский кабинет местного ДК. Она подкрутила ручку и включила радиотарелку: *«В Колонном зале будет прощание с генеральным секретарем, делегация разных стран приедут попрощаться с великим кормчим»*. Муся села за стол, включила керосинку, поставила алюминиевый чайник, за окном по стеклам барабанил белый снег. Муся посмотрела за окно и увидела худосочную фигуру Степы, кудрявого местного мальчика лет восьми. Муся Растопчина обучала его в ДК нотной грамоте. Через десять минут они были в пустом зале, Степа уселся за пианино, Муся встала рядом:

— До. Ре. Ми. Фа. Соль. Ля. (Степе) Повтори.

— До. Ре...

Степа задумался, Муся вздохнула, встала.

— Подвинься, пожалуйста. Я сейчас тебе сыграю гамму!

Степа встал, Муся взмахнула руками, попыталась сыграть гамму, но не успела, дверь открылась и вошла Лена без платка. Она по вечерам мыла здесь полы.

— Лена! Сталин умер! Были сегодня на кладбище с Гулей, потом в Харовске. Отдали бумаги с просьбой об амнистии, потом на почту. Нам обещали! Надеюсь, скоро поедem в Москву.

Лена кивнула, замычала, пытаясь объяснить что-то Мусе, но Растопчина встала, закрыла крышку пианино, сказала, обращаясь к Степе:

— Степа! Иди домой. Сегодня занятий больше не будет. Хочешь я тебя отведу домой?

Муся взяла Степу за руку и пошла на выход, а Лена, закрыв кабинет директора, зашла чулан и нашла там ведро и швабру с тряпкой. И лишь портрет Сталина в черной рамке на стене сурово взирал на пустую комнату. Луч солнца полз по его портрету и, запутавшись в пышных усах, внезапно погас. Туча надвигалась на деревню, с снега прибавился дождь, который опять забарабанил по железной крыше ДК. Две фигурки под черным зонтом: Муся и Степа шли к местному сельпо. По дороге к дому глухонемой Лене Растопчина решила зайти за сушками. Радио работало на всех столбах, а из репродукторов все так же звучала похоронная музыка. Вокруг радиоточек толпились люди, их угрюмые лица выражали растерянность и злобу, Мусю несильно любили в деревне:

— Эй, гляди-ка, актриса погорелого театра идет!

— Ссылная, мать ее! (сплевывает)

— Радуетса небось, что Сталин помер! (сжимает кулак) А я бы их своей рукой давил. Гнид московских!

Мужики и бабы из деревни стояли толпой у столбов с громкоговорителями и обсуждали смерть великого кормчего;

— Пойдем и дерябнем по стаканчику!

Женщина в платке держала в руках газету с портретом Сталина в черной рамке.

— Ох, на кого же ты нас покинул, отец родной! (целует портрет Сталина с черной рамочкой в газете) Сиротинушки! Сиротинушки -мы!

Плачущие и стонущие бабы в платках встречали по дороге Мусю Растопчину и Степу, многие махали ей прощально.

В лавке была только продавщица Марфа. Сильно накрашенная и надушенная, она с прищуром посмотрела на скромную учительку по музыке, Муся попросила дать ей сушки, когда в магазин вошел Иван Кратов, местный красавец и комбайнер. Он мечтал жениться на Марфе. Марфа обратилась к Мусе:

— Ну, что, Муся!? Ты почему из ДК ушла так рано?

— Слышали новость?! Сталин умер. А я вот в Москву наверное скоро уеду, подала прошение Анисимову.

Кратов перебил ее:

— Не отпустят так просто, родимая! (показал пальцем на Марфу) Хотел на тебе жениться, а теперь вот на Марфе женюсь!

Иван подошел к прилавку, стал обнимать Марфу, тискать ее, целовать в шею. Марфа отбивалась, однако ей очевидно было приятно слушать эти признания в любви. Увидев Ивана, который целовал продавщицу, она замолчала. Марфа увидев ее напряженный взгляд, оттолкнула тракториста:

— Мария Васильевна! Что случилось?

— Ничего. Я куплю сушки и конфеты и пойду домой. (обернулась к Степе) А ты сушки хочешь?

— Нет. Я хочу хлеба.

Муся кивнула, протянула карточки Марфе, та быстро выбила на кассе сумму, посчитала на счетах и отдала ей покупку: хлеб, сушки и ириски.

Муся Растопчина взяла хлеб и отдала его Степе, все остальное она бросила в авоську, которую нашла в кармане ватника, и выскочила из магазина. За ней вышел Степа с хлебом, Иван вздохнул:

— За что ссыльная Муся меня не любит?

— Она никого не любит.

— А ты про нас не говорила маме? Про свадьбу в мае?

— Не говорила. (машет рукой)

— Врешь ведь!

Марфа покачала головой и вздохнула, Иван пожал плечами.

Иван Кратов дал Марфе продовольственную карточку.

— Дай-ка мне чекушку, Марфа. Пойду помяну Сталина! (взял бутылку) Марфа, обдумай мое предложение, время есть.

Он хлопнул ее по спине, еще раз поцеловал, спрятал водку за пазуху и вышел. Марфа посмотрела на себя в зеркальце, взяла папиросу и закурила, она вышла из-за прилавка, надела пальто и вышла на улицу.

Муся шла уже далеко, Степа отпустил ее руку, взял в руку буханку хлеба и побежал домой. Иван сел на свой трактор и поехал, махнув Марфе рукой, а она продолжала курить, раздумывая: надо ли выходить замуж за Ивана Кратова.

Весна в этом году была ранняя, везде были проталины, сквозь лед уже сочился тонкий ручеек, слава богу, что в Харовске Муся надела калоши на валенки, и теперь не промокла по дороге домой. Когда она вошла внутрь дома к немой Лене, то увидела что Лена перед выходом из дома везде помыла пол и постелила половики. Когда Муся посмотрела на потолок, то увидела солнечные блики, которые скользили по деревянным балкам, отражаясь в окнах. Блики наполнили избу Лены веселыми зайчиками и предчувствием приближающейся весны. Муся положила сушки и ириски на стол, открыла форточку, пустив свежий воздух внутрь избы,

сняла ватник. Ветер тронул прозрачные занавески на окнах, когда она сделала шаг вперед и, включила на полную громкость радиотарелку внутри дома. Она прослушала траурную музыку, когда грохоча ведром, вошла Лена. Ее рябое лицо, рыжие ресницы и брови, зеленые, тусклые глаза — все так знакомо, и почти родное! Муся обняла ее:

— Я поеду домой в Москву... Поняла?

Лена мычит, кивает, машет рукой.

— Хорошо. Жалко мне с тобой расставаться, Леночка!

Лена вздрогнула, лицо ее исказилось, она всхлипнула и неожиданно громко, в голос зарыдала. У Муси Растопчиной сердце неожиданно заколотилось от ее истошного бабьего воя, она не ожидала, что будет переживать от расставания с глухонемой:

— А где Гуля? Приходила?

Лена замычала, стала махать рукой за окно.

— Что? В амбулаторию ушла?

Она схватила телогрейку, которая висела на крючке в коридоре, накрыла свою голову, держа ее двумя руками над собой, побежала во двор, в сарай за яйцами из-под курицы. Она бежала к курятнику, причитая и утирая слезы, потом дошла до сарая, нашла яйца под курами, положила их в фартук, пошла обратно. Моросил мелкий и противный дождь, дорожки развезло. Муся посмотрела в окошко и увидела вдалеке Марфу, которая шла в ботах и галошах домой, несколько раз чуть не упав по дороге.

Когда Лена вернулась в дом, Муся уже успела зарядить шишками большой самовар, чайник поставила на золотистую корону, на столе уютно белел фарфоровый сервиз из чашек и блюдца, сушки и ириски лежали в корзинке. Вошедшая в дом Лена положила яйца на стол, и они засияли на серой, льняной скатерти. Муся вышла к себе в спальню, села в кресло, укутавшись в плед и начала читать пьесу Чехова «Чайка». Когда она очнулась, прошло где-то два часа.

В окне избы виднелась калитка, у калитки — привязанная лошадь, запряженная в большую подводу. Лошадь была старая, гнедая, в серых яблоках, с седой челкой и седыми ресницами, мирно ела овес из торбы.

Гуля тем временем закончила брать анализы у местных пациентов в сельской амбулатории, она сложила мензурки с кровью в деревянную подставку и поставила ее на видное место. Когда приехал медбрат их Харовска, она взяла с него расписку, передала сданную кровь и надела телогрейку. Когда Гуля вошла в дом, ее волосы промокли от дождя. Увидев сестру, она удивилась:

— А что занятия по музыке отменили?

— Занятия в кружках в ДК наверное на неделю отменят. А может и больше!

Лена вдруг опять замычала, запричитала, увидев, как закипел самовар на шишках, потом стала разливать чай по чашкам, и вскоре Гуля и Муся оказалась за одним столом. Книжку Чехова Муся положила на стол, она раскрыла ее на нужной странице, собираясь дочитать. Лена крутилась тут же. Гуля внимательно пригляделась к бледному лицу Лены:

— Да на тебе лица нет, ты бледная как смерть, впрочем, не знаю даже, что и думать.

Лена подошла к зеркалу, посмотрелась в него, причесалась. Потом открыла ящик шкафа, достала и проглотила таблетку. Муся внимательно на нее смотрела:

— А ты, Лена, где была с утра, пока мы в Харовске были?

Лена показала жестами, что дома. Гуля взяла в руки книжку Чехова, вопросительно посмотрела на сестру. Та, помолчав, заметила:

— Через неделю буду «Чайку» читать со сцены. Я свой номер отрепетировала!

Муся допивала чай, затем тихо произнесла, обращаясь к Гуле:

— Эх, Зоя не дождалась амнистии! Все время об этом думаю...

Гуля положила книжку на стол, резко встала и ушла в другую комнату.

У Муси испортилось настроение. Она быстро доела сушки, потом съела ириску. Лена хотела долить ей чаю, но она уже встала из-за стола, вышла в другую комнату. Гуля стояла, закрыв руками лицо, слезы текли ручьем. Муся сделала шаг к ней, хотела успокоить, но в итоге сама начал плакать навзрыд. Так они плакали вместе, обнявшись.

— Ты хочешь в Москву? — неожиданно спросила Гуля.

Муся помолчала, слезы высохли, она твердо произнесла:

— Я хочу восстановиться в ГИТИСе и вернуться на сцену.

— Дай бог, даже не вериться. А как ты думаешь все-таки Коля помог нам?

— Он тебе писал?

— Нет... Мы расстались, он на развод подал, только нас не развели, я уехала, а он меня не искал. Может однофамилец?

— Вряд ли... Напиши ему. Спроси. Если ответит- поблагодари за помощь... Хотя мы сами все скоро узнаем. Мы в Москву едем! Представляешь, Гуля?!

Муся радостно прижала сестру к себе, но та отстранилась, подошла к окну.

В окне она увидела капли, сосульки, лужи и все ту же лошадь, уныло жующую овес из торбы. Муся вышла на кухню, и в их спальней комнате настала тишина, и лишь мерный стук ходиков часов нарушал ее. Внезапно во входную дверь постучали, петли скрипнули и в светелке появился почтальон с большой сумкой с письмами и газетами:

— Вам письмо, Мария Васильевна! Из Рыбинска. (садится на стул) Налей мне воды в стакан, Лена!

Лена замычала, налила воды в стакан, протянула его почтальону. Почтальон молча пил, пока Муся взяла у него из рук письмо, развернула его, прочла. Почтальон поставил стакан на стол со стуком, а письмо упало из рук девушки.

— Кстати, у вас там кто? В в/ч 126345?

— У меня жених там! Митя Андреев.

— За что сел? Номер-то явно не воинской части, я проверял, там зона сплошная, лагеря...

Мусе неприятны расспросы почтальона, она, поджав губы, с трудом заставила себя ответить:

— Ему моя сестра Зоя новый военный билет дала в военном госпитале.

У него фашисты старый военный билет отобрали, когда в плен захватили. Вообще, он всю войну прошел под другой фамилией.

Почтальон замолчал, а потом, закинув лямку на плечо, встал и, не говоря ни слова, вышел. Муся вздохнула, подобрала письмо с земляного пола и пошла с ним в спальню. На соседней кровати лежала Гуля:

— От кого? От тети Лили?

— Нет, от Мити...

Муся легла на кровать, укрывшись пледом, раскрыла письмо от Мити из Рыблага, стала вчитываясь в строчки. Ничего нового в письме Мити не было. Он подавал трижды с 1945-го прошение, но так и не попал под амнистию. Муся представила, как каждое утро толпа заключенных, в том числе Митя Андреев, выходит работать на котловане рядом с городом Рыбинск. Где-то вдалеке завyla собака, замычала корова, близился закат и как обычно вечерело быстро. Лицо жениха Мити стояло перед глазами. Будут ли они вместе?

В тот хмурый день Андреев, как обычно, вышел на работу. Сверху моросил серый ледяной дождь, куртки эков промокли, однако они все дружно колотили кирками по мерзлой земле, пытаясь выбить щебень из горы. Когда в работе образовался перерыв, заключенные попытались разжечь костер. Вдалеке показался конвоир:

— Чего расселись?! А? Ну-ка, быстро встали и начали работу. Тебе лопату выдать? (показывает на яму Мите) Ты чего расселся?

— Моя сломалась.

Митя сплюнул, не хотя пошел за новой лопатой.. Он сильно изменился. Прошло восемь лет со дня его ареста на Рыбинской ГЭС. Годы, проведенные в зоне, дали себя знать. Легкая небритость ему очень даже шла, черты лица заострились, он сильно похудел, но живые, большие, серые глаза так же искрились, выделяясь на бледном лице. Митя Андреев каждый год подавал на условно-досрочное и очень надеялся, что освободится раньше срока. Отказывали ему ежегодно, в итоге он наконец-то написал Мусе Растопчиной в харовскую деревню, что в Москву наверное так и не вернется. Он подышал на руки, на улице еще заморозки и руки покрылись цыпками, хотя сильно загубели, они все еще чувствовали холод.

Эки рыли котлованы, работали на лесоповале и местном спичечном заводе. Впрочем работа по производству спичек считалась курортом, и Митя попадал туда нечасто. Вот и сейчас он опять рыл котлован. Когда Андреев подошел, конвоир откинул брезент с кузова машины из Рыблага и выдал ему новую лопату. Митя надел брезентовые варежки, а конвоир махнул на него рукой:

— Да читал я! Читал твое прошение!

— Гражданин начальник! Помогите! Хотел узнать у вас как раз, я подал на условно-досрочное освобождение и в этом году.

Конвоир нервно закурил:

— Вообще, парень, скажу тебе следующее, подождать тебе надо. Просто подождать. (тихо) Сталин умер. (делает запрещающий жест рукой) Вчера короче из Москвы радиограмма пришла, амнистия будет летом, вот и выйдешь на волю.

Митя подошел ближе к конвоиру:

— Врешь! Врешь, гражданин начальник! Амнистия была для нас в августе 45-го. Мой друг Лакшин, с которым я из фашистского плена шел, хотел выйти, однако не выпустили его! Умер вот в лагерной больнице два года назад!

Конвоир махнул на него рукой.

— Не друг он тебе! Сдал тебя Лакшин твой, дезертир — он и окруженец. Он повесился, еще и предсмертную записку оставил! Короче: официально об амнистии этого года объявят летом! Будешь трепать языком — срок продлим!

Митя замолчал, побледнел. Напоминание о самоубийстве Лакшина его задело. Андреев кивнул, взялся за новую лопату и опять приступил к работе. Почему-то образ бывшего друга по несчастью, Лакшина, которого он случайно встретил в колонне немецких военнопленных, преследовал его.

Он закрыл глаза, решил представить Мусю Растопчину, и воспоминания нахлынули на него волной:

Памятник пловчихи, приготовившейся к стартовому заплыву, сверкал черными гладкими мраморными плечами прямо у чаши с фонтаном в Парке культуры и отдыха. Муся взобралась на балюстраду, Митя дал ей руку, чтобы она не поскользнулась на гладкой поверхности и начала петь серенаду Шуберта. Из уст юной девушки песня звучала необычно:

— *Песнь моя, лети со мной, тихо в час ночной...*

Муся балансировала на лестнице, сошла медленно вниз к гранитной набережной Москвы-реки, Митя Андреев еле удерживал ее руку.

— *Представляешь, в ГИТИСе в конкурсе 150 человек на одно место. Я им когда серенаду Шуберта на немецком зарядила, они аж рот открыли. А ты слышал ее на немецком? Сейчас я ее тебе спою. Значит так (вздыхает):*

*«Meise flehen meine Lieder durch
die Nacht zu Dir, In den stillen Hain hernieder
liebchen komm zu mir»*

Муся увлечена собственным выступлением, она просто наслаждалась звуком своего собственного голоса, Митя нахмурился :

— Я думал, это все несерьезно.

— Значит, твоя электростанция — это серьезно, а театр нет? Знаешь, между прочим, очень многие говорят, что у меня большой талант. И даже огромный!

Муся взмахнула руками, показывая, какой у нее огромный талант: обхватила себя руками. Митя нахмурился:

— А как же я?

— Ты? (заметил наконец-то хмурого Митю) Ах, ну да... Сейчас.

Митя отпустил ее руку, засунул руки в карманы, спустился. Две ступеньки вниз.

— Значит так, первые десять лет я буду заниматься искусством, потом буду совершенствоваться.

Митя нахмурился еще больше, спустился ниже по лестнице, желваки играли на его щеках, но Муся язвительно продолжала дальше, не обращая внимание на грустное лицо юноши.

— Я должна тебе предупредить: я ужасная лентяйка. (перечисляет, загибая пальцы) Неряха. Я не умею готовить, я ненавижу стирать, мыть посуду.

Митя сбегал вниз и оказался уже на набережной. Встав спиной к девушке, просто излучал недовольство.

— Но, самое главное, Митенька, я невероятно влюбчивая. Сегодня со мной поступал мальчик в ГИТИС, он был такого (показывает руками) высокого роста, у него огромные, крепкие руки, глаза как у оленя.

Митя подошел к киоску с мороженым, купил маленький шарик, откусил кусок обижено, но тут Муся подбежала к нему, шутовски и легко ударяя Митю по носу.

— Митя, послушай, я пошутила.

Митя отошел подальше, поедая мороженое, и со злостью обернулся к Мусе. Он взял крепко ее за руку, произнес твердо, глядя ей в глаза:

— Знаешь, что я таких шуток не понимаю. Для меня так: любовь — это навсегда. Ты это навсегда. Понятно?

— Ну, ты и зануда...

— А ты артистка! Слушай, а может, ты меня не любишь вовсе? А так? Роль играешь? Мусяно лицо оказалось близко, такое милое, родное...

Митя очнулся от воспоминаний: как же все это далеко! К вечеру всех эков загнали опять в барак. Они разлеглись на нарах, и рядом в бараке оказался француз: военнопленный, бывший летчик по имени Поль Анджи. Поль попал в ГУЛАГ вместе с группой немецких военнопленных, но тех отправили дальше по этапу, а Анджи застрял в Рыблаг. К ним с Митей подошел конвоир:

— Эй, француз! Летчик-налетчик! Поль! Анджи! Ты чего смену прогулял?

Поль отвечал на ломаном русском:

— Я не прогулял. Заснул просто. Болею и знобит вообще.

— Объяснительную напишешь, а заключение врача есть?

— Есть, похоже на ангину... Горло красное и температура

Конвоир отошел, а к нарам Мити Андреева и Поля Анджи подошел новенький: тщедушный Иван. Суетливый Иван сел за мелкую кражу. Он злобно посмотрел на симпатичного француза, покашлял.

— Эй, чернявый, закурить не найдется?

— Не курю.

Конвоир выключил свет в бараке.

— Разговорчики, курить на улицу! Табак выдан каждому по норме!

Конвоир вышел на улицу, а новенький подсел поближе к Полю и сказал быстро:

— Скажи, француз, а ты откуда? Из самого Парижа?

Француз не успел ответить, отвечал за него Митя:

— Я отвечу. Поль Анджи из Марселя. В начале войны, в 17 лет, он сбежал из семьи, посорившись с братом-близнецом Зигфридом (громко, Полю) Так?!

Поль отвечал Мите на ломаном русском языке.

— Зигфрид зарегистрировался на немецкой бирже в 1940-м, а я сбежал из Виши!

— Ух, ты! А у тебя брат где? На немчуру, значит, трудился твой брат! А как ты здесь оказался? Эй, француз!

— Не твое, дело... Отстань!

Митя встал, махнул Полю рукой, они вышли из барака. Новенький оглянулся и воровато залез в вещмешок француза, потому что искал махорку. Однако ничего кроме писем, написанных на треугольниках из листочков тетради химическим карандашом в Марсель, с пометкой «для мадам Анджи», так и не увидел. Митя и Поль сели на лавочке рядом с баракком.

Митя полез за пазуху, достал кисет, скрутил папиросу, отдал Полю, они закурили:

— Радостная новость, Поль! Сталин скончался, откинулся значит... Амнистия, говорят, грядет в связи с кончиной Сталина. Вот как! (он затаился, лицо его помрачнело) Эх, жаль! Лакшин, друг мой по несчастью, не дождался!

Поль выдержал паузу.

— Друг? (пауза) А кто он — Лакшин?

— Я с ним из плена бежал, потом встретил на Рыбинской ГЭС: должны были нас амнистировать еще в августе 1945-го в связи с победой. Я даже в Москву собирался, но признался Кичигину, руководителю Рыбинской ГЭС, что живу под чужой фамилией: Левченко Павел, и вот меня арестовали, я еще и срок получил — 10 лет. Вернули меня в Рыблаг, его оставили в трудовом лагере при ГЭС, в итоге он, оказывается, покончил собой в бараке! Нашли предсмертную записку: «Не могу жить дезертиром».

— Ох, ничего же себе! Застрелился?

— Нет, повесился. Хотя, дело темное. Труп нашли с утра, то ли сам, то ли его. Вот как!

Поль курил и думал, навязчивая мысль одолевала его:

— Как ты думаешь, а что нужно сделать мне, чтобы вернуться на родину, во Францию?

— А ты за что сидишь?

Поль Анджи помолчал, вздохнул, а потом решился на рассказ:

— Освобождение моего Марселя в августе 1944-го я не пропустил, однако долететь с американцами до своего дома так и не смог. Был сбит советским самолетом, попал в Кольмарский котел, а позже вместе с немцами был захвачен частями Красной армии. Доставлен по этапу сначала в Ламсдорф, потом в Рыблаг! Моих документов и вовсе нет.

Кто-то закашлял громко рядом: к ним подошел старый зэк Костыльков. Разговор Мити и Поля привлек его внимание:

— Слушай, француз! Чего? У тебя документов нет? Могу помочь, сговорюсь с начальником Рыблага, достанут тебе чистые документы. Ну тех, кто уже отсидел, но умер. Из Рыблага выедешь по советским бумагам, а там и до Москвы доедешь к своим.

Митя улыбнулся, план по спасению Поля ему нравился:

— Точно, Анджи! А там в посольство обратись! В Москве же есть французское посольство!

Костыльков продолжил:

— Лады? Только не бесплатно. Самогону достанешь или марафету? Да и махорку предпочту.

Поль удивленно посмотрел на Костылькова: он был скрюченный, весь в морщинах, на работу не ходил из-за чахотки, однако курил не останавливаясь. Митя покашлял:

— Скажи, а что действительно можно по чужим документам из Рыблага выехать? Я вот за подделку и укрывательство своего настоящего имени сижу вот 10 лет, без малейшей надежды освободиться.

— Слушай, парень! Ты сколько по чужим документам жил? До Берлина дошел! Тебя рассекретили, и вот! Ты уже анкету замарал так, что либо сидеть в Рыблаге и нос не высовывать на улицу, либо с новыми документами бежать совсем в Москву! Я вот живу здесь на полном довольствии, и мне отлично.

— А я подаю каждый год на амнистию! Вот, Иваныч!

Митя встал, Костыльков опять закурил. Поль Анджи пожал плечами, не все из того, о чем говорил старый заключенный, было ему понятно, а Костыльков пошел в барак. Стало совсем зябко, Поль посмотрел с интересом на Митю:

— Митя, ты вот мне рассказывал историю про то, как имя менял. Ты был кем?

— Повторяю, я был всю войну Павлом Левченко. Дошел до Берлина, орденов целая грудь, статьи в газетах. Военный билет на новое имя делала мне Растопчина Зоя: старшая сестра моей невесты, Муси! Она врачом была в военном госпитале, и нашла документы убитого солдата... Вот. Так я и стал Левченко. Это вот у этого (разводит руками) Дмитрия Андреева, ничего такого нет! Я уходил в 1941-м в народное ополчение рядовым Андреевым, потом, когда попал в немецкий плен и бежал, потерял документы. Ну, и в госпитале, на меня майор Жлудов в НКВД наступал... Он меня еще по старой фамилии принимал в части, в которую я вышел после немцев. В общем, вычислил меня, так как я с ним в один госпиталь попал к Растопчиной Зое... (через паузу) Короче, сложная эта история, имя менять все равно что судьбу.

Поль достал из-за пазухи еще один газетный лист, послунявил, досыпал в газету махорку из кармана, скрутил две самокрутки, дал Мите одну папиросу и вторую закурил:

— Жалеешь? Что имя менял?

— Жалею, однако уверен, что сделал все правильно. Не потому, что испугался, потому что хочу дойти до своей самой любимой женщины.

— Расскажи, а какая она, твоя Муся?

— Красивая!

Митя внезапно замолчал, потом полез за пазуху в ватник, вытащил и показал фотографию Муси. Поль взял в руки фото, внимательно посмотрел на лицо Митиной девушки, перевернул и на тыльной стороне увидел подпись карандашом: Мите от Муси, 1941. Поль обнял товарища и встряхнул:

— Да... Повезло тебе, парень! Красивая у тебя невеста! Ждала всю войну?

Митя махнул головой, забрал фото из рук Поля, вскочил, посмотрел на заходящее солнце и сказал быстро:

— Ждала?! Попала в Германию во время войны, у тебя вот брата забрали, а у меня невесту угнали. Обрато приехала в Москву с дочерью Диной от француза. Клялась, что нашла в Белоруссии, брошенную и голодную в деревене доме, но официально ее отец: Стефан Мишо. Есть такие имена во Франции?

— Есть, — Поль смотрел на товарища удивленно.

— Я вот ей письмо недавно отправил, что сидеть буду долго тут. Что отказали мне в амнистии. В общем, в итоге выйдет она наверное за моего друга: Трофима Трепалина. У него вот никаких проблем! Имя не менял, вернулся с фронта, вся грудь в орденах. Ее готов с приемным ребенком взять! Я вот не готов, но люблю ее до сих пор! Вот так-то!

— Она где со Стефаном была в Германии?

— Он с ней у бауэра работал... Ладно. Короче, утро вечера мудренее! Тебе наверно и, правда, лучше Иваныча попросить по поводу документов. Марафет достать?

— Попробуй... Эх, Митя. Не рискуй. (вздыхнул) По секрету скажу, писал прошение на французском на волю, передал конвоиру, но ответа нет... И давно нет!

— Не будет и мне ответа. Плохое у меня предчувствие. А может бежим?

— Сейчас?

Поль смотрел на него удивленно. У Митя сверкали глаза, то ли фотография невесты взволновала его, то ли разговор о прошениях. К ним подошел комендант:

— Ну-ка в барак! Быстро!

— А то что будет? Я может еще не докурил!

— С утра докуришь!

Конвоир близко подошел к Андрееву и вырвал силой папиросу из-за рта:

— Как стоишь? Руки по швам! Шагом марш!

Митя побледнел, крутанулся на ногах, сделал шаг к бараку, а потом неожиданно побежал. Конвоир не ожидал от зэка такой прыти, он передернул затвор:

— Стоять, Андреев! Стрелять буду!

Однако Митя бежал, что есть сил к открытым воротам. На что надеялся он в эту минуту и о чем думал? Его заметил второй конвоир на вышке и внезапно выстрелил в воздух.

— Стой! Стой... Стрелять буду!

Митя лишь прибавлял скорости. Тогда первый конвоир взял его на мушку и неожиданно выстрелил прямо в беглеца, тот упал. Поль вскочил испуганно, конвоир побледнел. Убитый Андреев без движения лежал на плацу перед бараками. Конвоир, мутным взором посмотрел на Анджи:

— Быстро в барак!

Француз побежал в барак, быстро залез под одеяло, нащупал свои письма матери, прижал к груди. Посмотрев на пустые нары, вспомнил соседа Митю. Ему стало грустно, он закрыл глаза, мысленно придумывая новое письмо

к мадам Анджи, а потом стал вспоминать, что писал раньше:

«Дорогая мама! Ухожу на фронт, предложили поступить в летную школу. Не могу оставаться дома. Передавай брату Зигфриду привет, когда вернется! 1942. Твой Поль»

«Дорогая мама, попал в аварию, нас конвоируют в Рыблаг, вместе с другими военнопленными. В основном из войск Вермахта. Доеду, напишу. 1945. Твой Поль»

Конвоир залез опять на вышку, вскинул винтовку на плечо и застыл, пока двое других конвоира переносили труп Мити. Завыла сирена, лучи прожекторов разрезали ночную темень, когда на вышке медленно на тросах стал подниматься огромный портрет Сталина в черной рамке, украшенный еловыми ветками. Край его подхватил ветер, и он тихо трепетал, подхваченный очередным шквалистым бураном, переходящим в колкий снег. Начиналась новая жизнь!

Глава 2. Пригород Парижа/Париж. Франция. 1953

В квартире мадам Веры Франковской, русской эмигрантки, прозвенел будильник. Жан встал, зашел с утра в душ и, съев яйцо на завтрак, стал одеваться. Мадам Франковская проснулась в своей кровати, открыла занавеску, увидела Монмартр и вышла на кухню. Статная, седовласая женщина с породистым лицом оставалась даже в возрасте привлекательной. Глаза неопределённого цвета всегда искрились, особенно когда она видела своего арендатора и ученика. Увидев Жана Мишо за столом, она и в этот раз приветливо махнула рукой. Юный корреспондент газеты «Париж» изучал русский язык и платил ей не только за аренду комнаты, но и за уроки.

Она пошла в ванну, когда в коридоре зазвонил телефон. Жан подошел и снял трубку.

— Мадам Франковская, вам звонят.

Трубка что-то пробурчала по-французски, он услышал короткие гудки. Франковская зашла к себе в спальню:

— Жан. Кто звонил?

— Спрашивали вас! Кажется вы заказывали цветы в лавке и они просили забрать.

Он замолчал, подошел к двери, приоткрыл, посмотрел на Веру Франковскую. Мадам приводила себя в порядок, закалывая вверх свои волосы. В ее руках был черепаховый гребень, и вскоре она создала некое подобие высокой аристократической прически.

— Ах, да... Я совсем забыла. Жан, мон шер! Вы меня слышите?

Я хотела поговорить с вами.

— Да... Иду варить нам кофе.

Жан варил кофе на кухне мадам Франковской. Через минуту он с двумя фарфоровыми чашечками, блюдцами и кофейником на серебряном подносе зашел в спальню.

— Мадам, вот ваш кофе. Я спешу в редакцию газеты «Париж». У меня встреча с главным редактором, месье Лебланом.

Он держал в руках папку с тесемками, в которой были вырезки из газет и один листок, исписанный карандашом. Говорили они по-русски, Жан сказал:

— Я хочу попроситься в Советский Союз, чтобы написать статью о смерти диктатора.

Мадам Франковская вздохнула, взяла в руки эмигрантскую газету с известием о смерти Сталина, развернула ее:

— Ах, так не верится, что он мертв. Сколько раз, я мечтала об этой минуте. И когда арестовывали брата Николая в 37-м. И когда завели дела на близких друзей. Все винули Ежова... Но при чем тут он? Я не смогла вытащить Николая из лап Советского Союза. Он устроился на кафедру, преподавать историю. Но какую историю можно преподавать там, где она была уничтожена выстрелом в царя?! Мы страшно поругались с братом и я уехала во Францию. Вовремя... И до сих пор не жалею! Страшному палачу и убийце не будет прощения на земле. В общем, я желаю вам удачной поездки в СССР, (она выдержала паузу), но хотела сообщить, что с завтрашнего дня подымаю арендную плату за комнату. Мне надо ехать в Ниццу лечиться и нужны деньги.

— Договоримся... И я счастлив, что знаком с русским языком благодаря вам. Занятия не прошли даром.

Жан поцеловал руку мадам и вышел из квартиры. Франковская вздохнула, открыла дверь на балкон, вытащила туда цветок в горшке и через пять минут села в кресло-качалку с кофе. В низу она увидела Жана с маленьким черным портфелем в руках. Мишо оглянулся, а мадам Франковская помахала ему рукой, прощаясь. Юный журналист спешил в редакционное бюро своей газеты «Париж». Когда-то он пришел туда стажером после окончания университета, но потом ему стали поручать одно за другим ответственные задания. Главный редактор, месье Леблан, верил в его талант. Жан задумался, отпустят ли его в Советский Союз? Улицы еще пустовали, однако местные лавочники уже открыли свои лотки. В одном из цветочных киосков он купил букетик ландышей. Каждый день он проходил мимо этого цветочного киоска и мимо костела. На нем ударил колокол. На ступеньках костела сидел нищий с черной шляпой в руках для мелочи.

Рядом с ним на аккордеоне играл музыкант, а также скрипач. Скрипка издала фальшивый звук, аккордеон заскрипел мехами, а нищий, увидев блеснувшую в воздухе монету, поклонился Жану, который кинул в шляпу два франка:

— Мерси! Спасибо!

Жан махнул рукой и очень скоро подошел к издательству газеты «Париж», держа в руках букет ландышей. При входе в редакцию он увидел парня, продающего свежие газеты, он кричал вслух то, что Жан уже знал: «*Сталина больше нет. Кто встречался в Ялте в 45-м?*». Жан купил газету, пролистал, и увидел на третьей странице фотографии Африки с подписью: фотографии Арни Тевье. Он быстро прошел внутрь здания газеты «Париж» и увидел самого фотографа. Жан протянул руку, тот ответил рукопожатием. Мишо произнес:

— Отличные фотографии, Арни, поздравляю!

— Спасибо! (через паузу) У месье Леблана какое-то поручение к тебе. Готов помочь юному дарованию!

— Сталин умер... Возможно, он хочет мне поручить что-то написать на этот счет. Но... Как можно писать, не увидев все своими глазами?

— Седьмого-восьмого марта — прощание в Кремле. Говорят тело Сталина выставят в Колонном зале для народа. Там будут уникальные фотографии. Я то же хочу поехать в СССР. Может быть со мной?

— Ну, я был бы рад, если бы месье Леблан отправил меня с вами.

Арни Тевье вышел из коридора в свою комнату, а вот Жан Мишо прошел насквозь пустынную редакцию. Время было ранним, девять утра. В такое время коллеги — обычно на заданиях редакции, летучка начиналась не раньше часа. Он решительно шел к кабинету главного редактора. На двери главного редактора висела бронзовая табличка: «Месье Леблан, главный редактор газеты «Париж». Месье Жорж Леблан руководил газетой «Париж» лет двадцать, об этом свидетельствовал большой диплом, который он самолично прикрепил к стене в приемной своего кабинета. Вторая мировая война застала его в Париже, он руководил военными корреспондентами, отправляя их лично на линию фронта.

На стенах кабинета висели и фото военных действий, фотографии самих корреспондентов, а также фотографии французских генералов, в том числе Шарля де Голля. Среди них выделялась фотография Антуана де Сент-Экзюпери в военной форме, который тоже коротко сотрудничал с газетой «Париж». Этой фотографией месье Леблан очень гордился. Мадам Эндрю, секретарь месье Леблана, сняла со стены эту фотографию ровно в тот момент, когда зашел Жан Мишо. Она махнула рукой на молодого корреспондента, который протянул ей цветы. Мадам, дородная женщина с пухлыми руками неровно «дышала» к начинающим журналистам, всегда привечала Жана, который старался отвечать ей взаимностью:

— Спасибо, Жан! Вы к месье Леблану? Что-то рановато. (она поставила ландыши в вазу) Кстати, читала вашу статью о летчиках. Поздравляю с публикацией!

— О, спасибо! И да... Я — к месье Леблану!

Мадам Эндрю легко поднялась со стула, открыла скрипучую дверь и крикнула:

— Месье Леблан, к вам пришли! (Жану) Подождете?

Жан кивнул, сел на диванчик рядом с кабинетом. Мадам Эндрю подошла к окну и подняла жалюзи. Верстка сегодняшней газеты «Париж» практически закончилась, но оставались кое-какие дела. Высокий голос месье Леблана звучал громко в кабинете. Жан зевнул, ему мучительно хотелось спать, и через минуту он задремал. Проснулся он только тогда, когда мадам Эндрю начала трясти его за руку:

— Жан, заходите!

Журналист встал, зашел в кабинет, сжимая в руках свой портфель. Главный редактор сидел в высоком черном кресле с газетой в руках. Это т вальяжного типа седовласый мужчина, в пенсне, в хорошем твидовом костюме и в начищенных ботинках никогда не вставал, когда кто-то входил. Его глаза-буравчики сверлили Жана, от этого взгляда становилось не по себе. Он набрал воздуха и стал говорить быстро, чтобы успеть все сказать.

— Здравствуйте, месье Леблан! Я только что узнал о дате похорон Сталина, Анри собирается делать большой фоторепортаж об этом... Хотел бы ехать с ним в Советский Союз!

— Мы уже сделали материал о смерти Сталина.

— Да, но я хочу писать не о смерти, а о прощании со Сталиным, которые будут устроены седьмого-восьмого марта в Советском Союзе. Это будет зрелищное событие...Лететь надо сегодня ночью, чтобы все застать.

Зазвонил телефон, и пока месье Леблан разговаривал, Жан Мишо сел в мягкое кожаное кресло напротив главного редактора.

— Да... Я приеду на верстку, вы сомневались? Было когда-нибудь иначе? Да... Да... Тем более мы полностью меняем последнюю полосу, к нам приезжает с гастролями театр Ла Скала. Меня лично пригласили, и я намерен поместить три новых статьи о них. Они как раз к четверем будут готовы (кладет трубку) Жан, я готов отправить вас с Тевье! Но... Ваша статья о военных летчиках наделала много шума, мне звонили из резиденции президента Франции. Просили экземпляр нашей газеты.

Месье Леблан подошел к бару, достал стаканы, открыл виски, подумал, налил себе и Жану по 100 грамм:

— Жан, выпейте со мной! Отличный, солодовый.

Возникла неловкая пауза. Жан взял стакан, пригубил, а потом решительно поставил стакан на место:

. — Месье Леблан, хотел вас кое о чем попросить.

Жан закашлялся, потом быстро достал из портфеля белый платок, в который высморкался, а потом черную папку с газетными вырезками. Месье Леблан смотрел на него с интересом. А юный Мишо достал из папки желтый листочек с рассказом «Самолет». Он протянул его главному редактору, тот взял и стал рассматривать напечатанные на листке буквы:

— Я хотел бы, чтобы вы прочли рассказ летчика, который служил с теми, о ком я писал, но пропал без вести в СССР. Я хотел бы найти его. Его зовут Поль Анджи. Рассказ передал мне один наш ветеран. Сам Поль пропал без вести.

Мы не всегда поддерживали хорошие отношения с СССР, я так понял он попал в лагерь военнопленных вместе с немцами. Советский лагерь. Я хотел бы навести справки о нем, если Вы пустите меня в Советский Союз. Месье Леблан с интересом посмотрел на листочек:

— Может быть дождаться Арни? Нашего фотокорреспондента?

Он выдержал паузу, посмотрел на часы, набрал номер секретаря.

— Пригласите месье Тевье! Срочно (положил трубку телефона) Он будет через десять минут.

Жан помотал головой:

— Читайте! Рассказ называется «Самолет».

Леблан погрузился в чтение, быстро пробежал название на титульном листе: «*Рассказ „Самолет“; автор: Поль Анджи. 1943 год*».

Неровные строчки заполняли лист, печатная машинка сбила, и где-то буквы пропечатались повторно, но смысл угадывался, а слова складывались в фразы: *«Когда я зашел первый раз внутрь „железной птицы“ и взял в руки штурвал, мне показалось, что я немедленно взлечу вверх. Перед глазами была длинная взлетная полоса. Но когда я закрыл глаза, вся моя новая летная жизнь пролетела перед моими глазами. В армию я попал в 1940 году. Сначала меня отправили в Великобританию, позже меня эвакуировали из Норвегии. Во французском местечке под Марселем меня всегда ждала моя мать: мадам Анджи. Однако судьба моего брата-близнеца Зигфрида Анджи была мне долго неизвестна. Он поехал в августе 1941-го в Марсель за новой рыбацкой сетью, когда его схватила местная полицией Виши, зарегистрировав на немецкой бирже труда. Потом его отправили на завод KDF-ваген в Германию. Возвращаться домой в Марсель мне не хотелось и мне предложили пополнить ряды летной школы. Так началась моя новая летная жизнь. Нас тренировали летчики Люфтваффе, и однажды я открыл глаза, когда штурвал военного самолета Air France был в моих руках. Я перекрестился, поцеловал свой крест, через час мы взлетели».*

Месье Леблан посмотрел на Жана. Жан продолжил:

— Рукопись этого рассказа была передана мне военным летчиком, который служил в одной с ним эскадрильи. Он знаком с автором, летчиком Полем Анджи. (вздыхает) Я хотел бы разыскать автора этого рассказа.

Месье Леблан перевернул листок с рассказом:

— Как его зовут, повторите имя?

— Поль Анджи. В 1945-м следы этого писателя потеряны в СССР, его сбила советская авиация, и он пропал в советских лагерях.

— Вы знаете, Жан, я наверное дам себя уговорить. У вас, конечно, совсем нет опыта зарубежных командировок, но если отправить вас с опытным корреспондентом? В общем, я хочу отправить Арни Тевье вместе с вами в СССР. Как вам идея?

— Отличная идея!

— А что вы намерены делать с автором этого текста? Где искать?

— В советские лагеря вас не пустят...

— Я хочу навести справки об этом французском гражданине в Советском архиве. (он залез опять в папку) В Париже я уже сделал это. Получил данные об этом гражданине Франции. Вернее о двух гражданах (достаёт бумагу с печатью) Вот архивная справка о: Поле и Зигфриде Анджи, братьях-близнецах из Марселя. Зигфрид был освобожден британскими войсками и лично офицером Иваном Хирстом и работает сейчас под его началом на заводе Рено! Поль Анджи до сих пор в СССР!

Месье Леблан пожал плечами, выпил еще виски, потом поставил стакан на стол. Жан молчал и следил за каждым его движением. Вдруг главный редактор передумает его отправлять, но месье Леблан вздохнул и вдруг задал неожиданный вопрос:

— Кстати, у тебя в семье есть пострадавшие из-за немецкой оккупации Франции?

— Да, есть. Мой отец Стефан Мишо попал в Третий рейх в 1940-м. Был отправлен туда немецкой биржей труда.

Месье Леблан махнул рукой:

— Он воевал?

— Он угнан в Третий рейх в 1940-м. Работал на оборонном заводе, потом у бауэра! А почему вы спросили?

Главный редактор не успел ответить, в его кабинет вошел Арни Тевье

с любимым фотоаппаратом Leука в руках. Он пожал руки месье Леблану и Мишо, вынул свой портсигар, аккуратно отрезал кусочек сигары специальным секатором, достал из кармана металлическую зажигалку. Его утонченное лицо, борода клинышком, карие глаза с прищуром, все вызывало симпатию и почему-то моментально разряжало любую напряженную обстановку. Жан почему-то облегченно вздохнул, он давно симпатизировал Тевье. Анри сделал приглашающий жест:

— Чертовски хочется курить!

Он предложил сигару главному редактору, и уже через минуту табачный дым дорогих сигар наполнил кабинет месье Леблана. Месье Леблан откашлялся и, махнув в сторону юного корреспондента, произнес:

— Хочу отправить его с вами делать репортаж о похоронах Сталина.

Арни пожал плечами.

— Готов ехать в СССР! Тем более в хорошей компании.

— Тогда идите получать деньги для поездки. Срочно!

В этот момент опять зазвонил телефон, на другом конце провода послышался хриплый голос месье Девон, старейшего работника газеты «Париж». Главный редактор, морщась, отодвинул от своего уха трубку телефона, так как месье Девон буквально орал, не стесняясь в выражениях. Голос Девона хрипел узнаваемо ему в ухо, но главный редактор не разозлился, а засмеялся:

— Что вы хотели, Девон?

— Черт побери... Скажите, когда верстка газеты?!?! Я сделал несколько правок в своей статье.

Месье Леблан замолчал, месье Девон как всегда мешал выйти в тираж очередному номеру газеты «Париж», поэтому месье Леблан коротко выслушал его, а затем ответил:

— Верстка газеты к утру закончена, мы вносим правки до 17, однако, боюсь, что в этот раз вы не успеете, месье Девон (допивая виски). Я поставлю другой очерк. Переделывайте спокойно.

Трубка опять возмущенно захрипела, но месье Леблан положил ее на место и посмотрел на Жана, кивнув на Тевье:

— Итак, повторяю, с вами в СССР едет опытный фотокорреспондент месье Тевье.

— Спасибо! Мне дали в парижском архиве весь список французских военнопленных, а мне нужно найти следы Анджи в архиве комиссии генерала Голикова.

— Что это за комиссия?

— Это комиссия по делам иностранных репатриантов. Она находится в Москве.

— Официальное письмо от газеты «Парижа» я вам дам, но собственно это все! Если будут трудности, звоните в посольство, мы восстановили дипломатические отношения с СССР и наш посол, его зовут Дежан, он еще не вступил в свою должность официально, мы только налаживаем дипломатические отношения с СССР, но он есть в их столице.

Месье Леблан вынул из своего стола бумагу, быстро начал на ней писать, а потом отдал Жану Мишо:

— Поставьте нашу печать на это прошение. Милый Жан! Вы вообще не знаете страны, в которую едете, вы по счастью владеете русским языком, но опыта у вас маловато! Месье Тевье будет вам проводником и помощником в Советском Союзе. (через паузу) Я жду горячего репортажа с места прощания со Сталиным. А по поводу вашего пленника (он посмотрел в бумагу с рассказом «Самолет», а потом передал его Жану) Я готов подписать бумагу о вашей первой заграничной командировке от газеты «Париж», но с одним условием, что у вас будет сопровождение в виде серьезного и опытного корреспондента.

Жан улыбнулся, настроение улучшилось, он едет в СССР!

Уже через час начинающий журналист ехал в такси к отцу и матери. Поездка ожидалась непростой, и он почувствовал, что их просто необходимо увидеть перед отъездом. Поля с золотой рожью мелькали в окошке, на них гуляли барашки на тоненьких черных ножках и черно-белые коровы. Таксист смотрел вперед, пытаясь обогнать справа и слева водителей других машин. Через какое-то время он включил радиолу, настроил волну, и неожиданно Мишо услышал песню Пиаф. Пронзительный голос французской певицы отлично сочетался

с мелькающими пейзажами за окном такси, с ветряными мельницами и французскими домиками. Когда он подъехал, то мадам Мишо как раз подвязывала лозу, а месье Мишо рвал первую траву в саду для кролика. Белый и ушастый сидел у него на руках, когда Жан подошел к отцу. Они обнялись, а через полчаса уже сидели под виноградной лозой и пили прошлогоднее белое вино, сделанное руками самого старшего Мишо: Стефана Мишо. Новый виноград еще не завязался, весеннее солнце еле пригревало, но уже чувствовался приход весны. Жан зажмурился от солнечного зайчика, который заскакал по воде в бочке рядом со столом. Он встал и наклонился. На него взглянуло отражение: черные, кудрявые, непослушные волосы, густые брови, глаза-черные оливки. Он отметил, что становится похожим на отца все больше. Только у того — все больше седины в волосах, морщин на лбу и щеках. От матери младший Мишо отличался сильно, сухопарая, сероглазая, она суетилась по хозяйству и периодически подбегала к столу, ставила то сырную тарелку, то хлебные лепешки. Жан вздохнул. Походить на отца ему совсем не хотелось, он помнил дни его отсутствия в семье, помнил свою отчаянную боль внутри, его переживания, что он - десятилетний, безотцовщина. Он долго не верил, что отец вообще вернется, но мать однажды при нем порвала газету с портретом Гитлера, грязно выругалась, и твердо сказала: *«Он вернется, сын. Он жив и вернется»*. Отменное семейное

шардоне пилось легко. Старший Мишо взял в руки последний выпуск газеты «Париж», в которой работал сын. На первой полосе — статья о смерти Иосифа Виссарионовича Сталина.

Казалось, далекая весть из загадочного и закрытого СССР никак не касалась этих французов, но Стефан выдержал паузу и неожиданно сказал:

— Представляешь, сын! Я чуть не изменил твоей маме. Со мной на ферме, у фрау Якобс в Германии, трудилась девушка. Из Советского Союза, русская. Очень красивая. Звали... Муся.

Воспоминания нахлынули на Мишо:

«...1944. Солнечный свет, яблоки, которые плавают в озере, песочный берег располагали к радостному настрою. Через пять минут появилось желание просто поплавать, но он боялся ее вспугнуть. Он знал, что встретит здесь эту русскую. Муся ходила сюда купаться каждое воскресенье. Стефан купил ей вчера в местном магазине красивое желтое платье и мечтал подарить его и рассказать ей о своих чувствах. Он повесил платье на ветки и стал смотреть из-под веток на плавающую Мусю. Она вышла из реки через полчаса, мокрая и прекрасная. Голая фигура эффектно выделялась на фоне озерных бликов, Стефан просто залюбовался. Он спрятался в кустах так, чтобы она его не заметила, повесив купленное платье на ветки. Он приподнялся и тут же себя обнаружил. Муся охнула, быстро прижала к себе свое платье. Стефан пытаясь ее успокоить, отвернулся и даже закрыл глаза руками. Муся прошептала:

— Стефан! Ты меня напугал!

— Я купил тебе платье... Надень его...

— Это мне?... Стефан, спасибо, но... Зачем?

— Я хочу тебе сделать подарок... Жёлтый тебе к лицу...

Муся думала с минутой, а потом решилась все же примерить платье. Стефан смотрел на нее из-под своих пальцев, и невольно зацокал языком, увидев Мусю в желтом, шелковом, нежном платье. Оно ей очень шло...»

Стефан вздохнул, воспоминания о плене дались ему нелегко. Стефана Мишо увезли в Германию в 1940-м, после регистрации на местной трудовой бирже. Он долго трудился на химическом заводе, а потом он заболел, и когда выздоровел, его забрала к себе бауэрша, фрау Якобс помогать по хозяйству. Там на ферме он и познакомился с девушкой из Советского Союза.

С сыном фрау Якобс случилось несчастье, Карл Якобс покончил собой. Арестованный гестапо в 1944-м, Стефан Мишо освобожден лишь из-за капитуляции Германии в 1945-ом. Его освобождали американские солдаты, которые ворвались в здание полиции. Он вернулся в немецкую деревушку, пытаясь разыскать свою русскую любовь, но его встретила лишь немецкая бауэрша Якобс. Он вспоминал: *«Она стояла рядом со стогом сена. Все такая же: небольшого роста с жилистыми руками. В руках — вилы, на голове — платок, подол платья фрау Якобс заткнула за пояс. Увидев Стефана, она бросила вилы подальше и крикнула:*

— Эй, француз! Ты чего? Вздумал вернуться?

Стефан смотрел на нее из-под ладони, улыбнулся. Очевидно, что фрау Якобс вовсе не простила ему смерть своего сына Карла. Француз почувствовал себя неловко:

— Фрау Якобс, я хотел спросить про Мусю. Меня выпустили совсем, оправдали в общем, я хотел забрать свои вещи и уехать. Так где ваша русская?

Фрау Якобс помолчала с минутой, а потом вдруг бросилась на Стефана с кулаками. Тот еле ее остановил, перехватив руку:

— Ах ты гад! Сволочь! Смел явиться в мой дом! Убирайся, убийца, из моего дома к своей шлюхе в СССР.

— Она не шлюха. (через паузу) Могу я забрать свой чемодан? Я не убивал вашего сына. Он сам себя убил на старой мельнице, фрау... Бедный несчастный гитлер-югенд, узнавший, что его дед был евреем...

Фрау Якобс в сердцах плюнула, побежала внутрь дома, залезла в шкаф, достала чемодан Стефана, выбежала на улицу, бросила его на землю, убежала внутрь дома, хлопнув дверью. Чемодан раскрылся, вещи: рубашка, брюки, мыло, зубной порошок — все вывалилось на землю. Стефан собрал вещи в чемодан, а затем, перед тем как его закрыть, достал из-под обшивки фотографию Муси. На Мусе Растопчиной — клетчатое платье со знаком OST.

Фотография — черно-белая, и он только по памяти вспомнил цвет ее ярко-голубых глаз, темно-русых волос. Когда они выгорали на солнце, то становились чуть золотистыми. Когда-то Муся подарила это фото Мишо»

Солнце уходило за горизонт: Стефан замолчал, махнул на сына Жана рукой. Воспоминания о Мусе Растопчиной в желтом платье мучили его невероятно: «...Муся надела желтое платье, которое ей невероятно шло. Она все еще дрожала после озера, волосы ее спутались и кудрявились от влажности. Стефана охватило невероятное желание обнять ее. Но как это сделать? Ведь их могли найти и сдать местной полиции.

— Пойдем... в какое-нибудь укромное место.

Стефан обнял Мусю, она подхватила свое синее старое платье с нашивкой OST в руку, и они медленно, обнимая друг друга, двинулись в сторону мельницы...»

Стефан встряхнул головой, сын сидел с ним рядом:

— Я поссорился с твоей матерью из-за этой девчонки, она долго меня к ней ревновала. (помолчал) Их Сталин умер. Возможно, тебе удастся найти Мусю в СССР.

Жан задумался, а потом, выдержав паузу, сказал:

— Расскажи мне свою историю, отец.

— Я попал в Германию на работу в 1940-м. Когда фашисты оккупировали Францию, в каждом городе создали контору, которая вербовала рабочую силу в Третий Рейх. Не думай, что это было добровольно, тех, кто скрывался, находили и отправляли. Тебе повезло, что мать спрятала тебя в подвале, хотя возраст у тебя был неподходящим, но могли и с ней отправить работать. Я решил спасти семью и пришел сам. Освободился лишь в 1945-м. Меня американские войска освободили... Я вернулся в немецкую деревушку. Пытался разыскать свою знакомую Мусю Растопчину, остовку, однако фрау, у которой я работал, рассказала мне, что Муся уехала в СССР

— А как ее звали? Баэршу?

— Ее звали фрау Якобс (через паузу, он решил поменять тему, слишком болезненные воспоминания одолевали его) Я рад, что восстановил виноградники. Хорошее вино, ведь правда? Думаю будет хороший урожай в этом году. Пришлю тебе ящик в Париж (махнул рукой на газету «Париж»)

— Хорошо!

Стефан встал, оглянулся и увидел жену, которая вешала белье на заднем дворе. Он посмотрел на сына, а тот отпил вина и повторил:

— Я еду в командировку... Первую! Представляешь?

— Ты на сколько едешь? На месяц?

— Нет, максимум на неделю. Это первая моя заграничная командировка, отец, и первая в СССР!

Старший Мишо двинулся к дому, оставив сына одного за столом. На столе стоял старенький радиоприемник, который мадам Мишо купила на какой-то барахолке, рядом сидел кролик и ел траву. Жан стал гладить за ухом и смотреть, как ушастый быстро поглощает еду. Мать подошла к нему и обняла сзади, прижавшись. Жану стало неловко, он взялся за ручку громкости радио:

— Слушал вчера новости по радио. Говорят, Сталина будут хоронить с почестями.

— Как работает радиоприемник? Я купила его в Париже на распродаже.

Мать смотрела на сына с тревогой, ей совсем не хотелось его никуда отпускать, но Жан вырос, стал мужчиной, и сам принимал решения.

Весь в отца! Жан с интересом крутанул ручку радиоприемника, выдвинул длинные металлические рога, подкрутил стрелку на нужную волну, зазвучал французский шансон и почему-то стало веселей.

— Неплохо.

— Так ты едешь в Советский Союз? Я правильно услышала? Я горжусь тобой, сын.

— Это моя первая командировка, мама. И я хочу (он сделал ударение на этом слове), чтобы ты мной гордилась.

Жан гладил белого кролика, но тот дрожал от страха. Его белые длинные уши смешно топорщились, розовые прожилки в черных заячьих глазах налились кровью, и от этого казалось, что заяц сейчас заплачет кровавыми слезами. Мать погладила его по голове и пошла в дом. А у стола появился отец Жана.

— Я просил тебя найти в Советском Союзе Мусю, Марию Растопчину, остовку, которая была со мной в Германии. Обещаешь? — Марию Растопчину? Хорошо...

Месье Мишо залез в карман своей жилетки и достал фотографию Муси в клетчатом платье с нашивкой OST, ту самую:

— Вот, держи... Только матери не говори, а то она меня ревновать будет. Жан положил кролика на землю и тот радостно ускакал в кусты. Он осторожно взял фото из рук отца. Внимательно рассмотрел надпись на фотографии: «*Стефану Мишо от Муси. 1943*». Старший Мишо вздохнул, потом сказал быстро, тщательно подбирая слова:

— Передай ей это фото, если увидишь... Я хранил его все эти годы.

— Я понял... (он посмотрел на часы) Мне надо ехать... Прощай, отец!

Жан положил фото в карман своего пиджака, а Стефан махнул рукой на сына и обнял его. Он встал, зашел в дом, обнял мать, но время подгоняло его, по этому очень скоро скрипнула калитка, Жан сел на велосипед и поехал к ближайшей железнодорожной станции. Его одинокая фигура в белой рубашке и брюках выделялась в желтом пшеничном поле.

Когда Жан опять появился в издательстве газеты «Париж» с чемоданом, его встретила встревоженная мадам Эндрю. Главный редактор газеты «Париж», месье Леблан, бледный и с заострившимся носом лежал на полу в приемной своего кабинета. Секретарша держала его за запястье, но пульс еле угадывался. Она махнула рукой на Жана, и он закрыл дверь. Она вновь пыталась заговорить с лежащим без движения месье:

— Месье? (через паузу) Месье Леблан!

После этого мадам Эндрю встала, подбежала к телефону, быстро набрала номер скорой медицинской помощи, а затем, услышав короткие гудки на другом конце провода, быстро произнесла:

— Девушка, простите, это — личный секретарь главного редактора газеты «Париж», месье Леблана. Срочно нужна госпитализация, месье Леблан лежит без сознания у себя в кабинете. (пауза) Что? Да, пульс есть! (пауза) Быстрее приезжайте.

Мадам Эндрю с яростью бросила трубку на рычаги телефона. Ленивый голос девушки из скорой помощи вывел ее из равновесия.

Она еще раз нащупала пульс на руке главного редактора газеты «Париж», затем смочила водой из графина салфетку и положила на лоб своего патрона. Тот на минутку ожил, дотронулся рукой до лба:

— Скажите, мадам Эндрю. Вы могли бы попросить Жана, проследить сегодня за версткой «Парижа»? И дозвониться месье Девону, чтобы он не ехал

в типографию? Его статьи завтра не будет. Да... И скажите месье Тевье, что я снял с верстки его вторую статью об Африке.

— Да, я поняла вас. Месье Тевье готовится к командировке с Мишо, я уже все подписала.

Мадам Эндрю кивнула, затем, посмотрев в телефонную книгу, набрала номер месье Девона.

— Месье Девон, я хотела бы вам сообщить, что месье Леблан госпитализирован. Перед отправкой в госпиталь он успел сообщить, что ваша статья будет в газете только через день, а вы сами должны явиться в бухгалтерию за гонораром.

Секретарь быстро положила трубку, и, услышав сирену за окном, подошла к подоконнику и посмотрела вниз. У входа в подъезд старинного особняка газеты «Париж» стояла карета скорой помощи. Фотограф Арни Тевье подошел к редакции в тот самый момент, когда два санитаров достали из скорой помощи носилки, а из кабины водителя выскочил доктор в белом халате и шапочке. Они быстро заскочили в подъезд, вслед за ними вошел сам месье Тевье. Уже через десять минут носилки с месье Лебланом появилась в коридоре редакции. Редкие сотрудники газеты «Париж» испуганно смотрели на эту суету, Арни Тевье шел за санитарями, но, увидев Жана, спросил удивленно:

— Что случилось с месье Лебланом?

— Месье Леблану по-моему плохо с сердцем.

— Ох, ты. Ничего себе! А в чем дело?

— У него наверное инфаркт.

Санитары успели добежать до кабинета и вскоре пронесли месье Леблана мимо Арни и Жана.

— Посторонитесь!

Мадам Эндрю показывала жестами, куда им идти, а Тевье быстро подскочил к секретарше месье Леблана и быстро спросил.

— Скажите, что все же случилось, мадам Эндрю? Инфаркт?

— Да, и по моему обширный! Месье Леблану плохо! С сердцем плохо. Вам придется ехать в типографию вместе с Жаном и помогать ему с версткой газетой. Месье Перье, начальник нашей типографии, вам поможет!

— Да, мы знакомы...

К мадам Эндрю подскочил и Жан:

— Но почему я? Я ни разу не был на верстке... Ночью я улетаю в СССР вместе с Арни! Может еще кого-то попросить?

— Больше некому... Все едут по своим делам...

Она протянула Жану папку со статьями для завтрашней газеты. Тот пожал плечами, он смутился. Анри твердо взял его за руку и сказал, обращаясь

к секретарю своего патрона:

— Не волнуйтесь, мадам Эндрю! Мы все сделаем...

Мадам Эндрю быстро кивнула, она увлеклась отправкой месье Леблана в госпиталь и вовсе не хотела разговаривать. Она закрыла кабинет главного редактора и покинула здание. Тевье подошел к окну. Жан отдернул штору и увидел мадам Эндрю, которая шла рядом с носилками месье Леблана. Его поднесли к санитарной машине и стали грузить внутрь. Жан вздохнул и услышал скрип дверцы, а Тевье уже вынимал из шкафа ватман. Мишо раскрыл папку, которую ему передала секретарь главного редактора, и увидел огромное количество статей внутри. Но как с этим справиться? Его отвлек Анри:

— Скажите, мой юный друг?! Вы готовы ехать в типографию?

— Я вызову такси!

— Ну уж нет. Позвоните водителю месье Леблана. Его зовут Андре Мирей. Он нас доведет по нужному адресу.

Тевье написал на бумажке телефон водителя, и уже через минуту Жан ему позвонил:

— Андре, приезжайте к парадному подъезду через полчаса. Месье Леблан попал в больницу, а мне нужно ехать срочно в типографию. Мне и Анри Тевье, нашему фотокорреспонденту.

Услышав короткое «да» на другом конце провода, Жан тут же прервал связь. Тевье налил ему воды из графина, но тот лишь лениво махнул рукой. Анри выпил сам и задумчиво произнес:

— Юноша! Руководить газетой «Париж» в одиночку очень сложно, наш босс попал в больницу, боюсь, почти на месяц. Верстка в 17, печать в 20.

— Нам лететь в Москву ночью, когда я полечу во второй раз, непонятно, и я бы не хотел опоздать из-за всего этого на самолет!

— Тогда едем в типографию с вещами, а оттуда в аэропорт. Я в вашем распоряжении! Письмо от газеты «Париж» с автографом Леблана у вас с собой?

Анри Тевье внимательно посмотрел на Жана. Он кивнул.

— А вы собираетесь в СССР и во вторую поездку? Один? Самонадеянно, мой друг!

Жан пожал плечами, а Тевье решился сказать прямо:

— Вряд ли главный редактор отпустил бы вас одного!

Жан задумался, поездка в СССР казалась ему подарком судьбы. Он мечтал написать новую статью о пропавшем летчике Анджи. Да и просьбу отца хотелось выполнить. Однако все зависело от того, как они съездят с Тевье в первый раз. Жан Мишо нервно налил себе воды из графина и быстро выпил. Он посмотрел на большие часы с золотым циферблатом, стоящие в углу редакции. На часах было уже почти пять.

— По-моему, нам пора!

Тевье не успел ответить, закашлялся, высморкался, коротко посмотрел на свои часы и именно в этот момент зазвонил телефон в редакции. Водитель Андре Мирей ждал их у входа. Жан выглянул в окно, машина месье Леблана стояла прямо у подъезда. Жан еще раз уточнил у опытного Тевье:

— Скажите, а как быть? Нужно взять верстку газеты с собой?

Жан кивнул на ватман с окошечками для газет.

— Нам нужно успеть все сделать за час в типографии. Не волнуйтесь, Жан! Я как-то был на верстке и даже на печати. Мы справимся!

Тевье был профессиональным фотографом, работал в «Париже» более 15 лет и объездил весь мир, фотографируя разные памятники архитектуры. С опытным корреспондентом Жану стало легче. Тевье открыл шкаф еще раз и вынул оттуда две папки своих фотографий.

— Ну вот. (Жану) Смотри, какой отличный фотоотчет. Рекомендую! Полный комплект! Мы можем найти новые фотографии из моей Африки и разместить их в газете, если будут белые полосы. Уверен, тебе нужна будет помощь! А я, когда доедем, отправлю, Андре за моим чемоданам к себе домой. Твой багаж здесь?

— Да, я оставил его у входа... Как чувствовал, собрался еще вчера.

— Поехали...

Жан посмотрел на него внимательно, кивнул, и пошел вниз по лестнице вслед за Анри Тевье, и уже через пять минут молодой журналист и опытный фотокорреспондент сидели в машине месье Леблана, а через час вошли в типографию издательства газеты «Париж», где его встретил месье Марсель Перье. Он стоял в нарукавниках, руки испачканы в черной краске, черноглазый, чернобровый, в белой рубашке с черной бабочкой и в черном берете. Марсель походил чем-то на негатив черно-белой пленки. Он держал белые листы газеты в своих руках:

— Анри, какими судьбами?

Анри Тевье сухо кивнул:

— Месье Леблан попал в больницу, Марсель! Мне поможет наш новый корреспондент, Жан Мишо. Вы знакомы?

— Вот этот? (Жану) Вы в газете недавно?

— Да! Наверное с полгода, пришел после стажировки в институте, скажите, а когда начнется сегодняшняя печать газеты?

— Не раньше шести-восьми! (Тевье) Месье Тевье, давайте утвердим верстку!

Они подошли к столу, где Жан Мишо увидел россыпь черных типографских букв, из которых наборщицы, а их было целых три, набирали тексты строго по ватману. Они все были из пригорода Парижа, небольшого роста, такие же как Марсель, черноволосые, черноглазые, скуластые. Говорили они быстро и с заметным акцентом. Месье Перье строго на них посмотрел, и они затихли. Тевье озадачил его:

— Скажите, а как вы видите заголовок на первой странице?

— Я хотела спросить Вас или Жана?

Жан покраснел, положил ватман на стол, положил статьи, фотографии, поменяв их местами, а потом, кивнув месье Тевье, быстро сказал, обращаясь к Перье:

— Сталин умер, кто будет следующим?

— Это слишком радикально! Очень радикально! Мы поссоримся с СССР.

— А как же первая полоса газеты?

— Еще раз разместим вчерашнюю статью с тем же названием. (пауза) Хотя...

Месье Тевье вздохнул, увидев, как нахмурился месье Перье:

— Я предлагаю более мягкое название: «Смерть Сталина сменила политические полюса».

— Ну, это очень длинно. Предлагаю так: «Смерть Сталина!» И мелкими буквами: «Дневники последних дней».

Жан улыбнулся, такое название ему нравилось, однако ему не приходило в голову, что слово «дневник» имеет двойственное значение, «дневник жизни» и «дневник похорон» совсем не означал знак равенства. Жан подошел к своему чемоданчику и вытащил газеты «Париж» от 5 марта и от 6 марта 1953 года, положил на стол. Бегло просмотрел статью, наборщик месье Перье смотрел на Жана холодно:

— Весь материал вчера не влез. Так что сегодня разместим оставшийся за скобками.

Месье Марсель Перье взял в руки железные скобки, которые скрепляли литеры газетного набора, и похлопал ими, аплодируя самому себе, скобки издали характерный жестяной звук, а наборщицы тяжело вздохнули, посмотрев на часы. Тевье, как обычно, разрядил обстановку:

— Месье Перье! Давайте торопиться! А то не успеем. Нам еще в аэропорт! Едем в СССР, освещать похороны Сталина! Вот!

Но Жан неожиданно решил настоять на своем мнении: — Нет, лучше так: «Хроника последних дней Сталина».

Месье Марсель Перье всплеснул руками и улыбнулся, юный журналист неожиданно стал ему нравится: вот это интуиция, вот это образование, вот это журналистское чутье! Но начальник типографии вовсе не хотел, чтобы Жан почувствовал себя зазнашкой, поэтому он сдержался и не стал хвалить его:

— Я бы прислушался к вашему более опытному коллеге, милый юноша.

— Но я согласен полностью с Жаном! (Марселю) Хроника — это правильно! (Жану) Мы скоро зафиксируем хронику 7—8 марта 1953 года! И эта шапка нам пригодится! Будем публиковать новые материалы под одним названием! Перье смотрел на них с интересом:

— Связываться будете по телефону? Оперативно... Желаю вам удачи!

Он пожал плечами, верстка газеты «Париж» началась не в двадцать, а ровно в восемнадцать часов по парижскому времени. Закрутился печатный станок, а еще через час в руки к Жану попала свежая газета «Париж» от 7 марта 1953 года с первой полосой: «Смерть Ста-

лина: Хроника последних дней диктатора». Жан понюхал свежую типографскую краску газеты «Париж»:

— Ух ты! Какая красота!

Тевье заглянул ему за плечо, посмотрел на газету, похлопал стажера по плечу:

— Молодец, Жан! Поздравляю с первой версткой. Надеюсь выпить с тобой шабли в аэропорту! Нам и правда надо ехать. Андре уже привез мой багаж. Но Жан не мог оторваться от газеты, он вдыхал и выдыхал запах типографской краски.

Тевье неожиданно замолчал, потом откашлялся и спросил:

— Скажите, Жан! А что за рассказ «Самолет» вы дали Леблану? Он рассказал о нем коротко, но показать не успел. Это интересно!

— Это одного пленного француза, которого я хочу разыскать в Советском Союзе. Мне надо еще перевести его на русский язык. Я говорю о рассказе «Самолет». Вся надежда на мою хозяйку- Веру Франковскую, мою учительницу по русскому. Мне хотелось бы напечатать его в русской эмигрантской газете, вдруг найдутся очевидцы или знакомые в СССР.

— А что сами? Не можете?

— Я не владею русским столь блестяще, а моя знакомая Вера Франковская-русская эмигрантка, живет в Париже давно. И отличный литературный переводчик.

— Интересно. Потом дадите прочесть? Я был дружен с Экзюпери, он мне рассказывал массу историй из жизни летчиков. Это ваша тема, Жан! (он глянул на часы) Нам надо торопиться, стажер!

Юный корреспондент подхватил чемодан, раскрыл его, сунул туда два экземпляра завтрашней газеты «Париж» и поспешил за Тевье к выходу. Через два часа они были уже в самолете Air France и вылетели в СССР.

Глава 3. Москва. 1953

В гостинице «Националь» стояла непривычная тишина, на больших напольных часах стрелки показали 9:00, прозвенели склянки. Из верхнего окошка вылезла металлическая кукушка и девять раз проскрипела свое «ку-ку». Утромый человек в форме гостиничного консьержа пылесосил ковер, когда в конце коридора показалась горничная Люба. Он выключил пылесос и спросил громко:

— Люб, чего ты так рано появилась? Иностранцев увидела?

— Не твое дело, Петрович!

Петрович хмыкнул, включил пылесос, пока Люба стучала в номер-люкс, где остановились двадцатилетний Жан Мишо, корреспондент французской газеты «Париж», и его коллега-фотограф: Арни Тевье. Жан еще спал, валяясь в большой кровати на белой простыне, когда, услышав стук в дверь, месье Тевье в соседней комнате открыл глаза. Посмотрев на наручные часы, он встал и, обмотавшись простыней, подошел к двери с бронзовой ручкой. Ручка была сложной, тяжелой, он долго ее дергал, пока не открыл окончательно, и увидел на пороге горничную Любу.

— Вы говорите по-французски?

Люба посмотрела на него испуганно, затем вздохнула, покачала головой. Сок в кувшине, каша в тарелках на маленьком раскладном столике, она сделала книксен и вышла.

— Бон аппетит!

Горничная закрыла дверь, Тевье закатил складную тележку, взял в руки стакан с соком и подошел к окну. Величественные красные башенки Кремля смотрелись выпукло, но общая унылая картина вида из окна поблекла из-за моросящего дождя. Солнца скрылось, казалась, погода вторила похоронному настроению советской столицы. Тевье посмотрел на площадь перед Историческим музеем и понял, почему она черная! Булыжники из-за дождя сверкали

мокрыми боками. А по ним медленно шуршали сотни ног, нет тысячи и тысячи ног. Толпа впечатляла!

Черная масса людей медленно двигалась ко входу в Кремль, шло прощание со Сталиным. Тевье заметил у некоторых траурные венки в руках, с красными лентами. Говорят, накануне, где-то в центре красной столицы, на пути к Красной площади, в жуткой давке погибли люди, но никакого официального подтверждения в советских газетах Анри и Жан не нашли, хотя купили их уже в аэропорту. Вдруг они что-то упустили? Ничего нового из советской прессы они так и не узнали, лишь то, что изготовленные буквы на Мавзолей, теперь Ленина-Сталина, разместят не раньше 9 марта. Тевье вздохнул, величественный вид из окна гостиницы его заворожил, где-то далеко послышалась траурная музыка, везде висели портреты Сталина в черной рамках. Фотографу отчаянно захотелось вынуть свой фотоаппарат, но как пленка поведет себя в такую пасмурную погоду? Надо бы с собой взять почувствительней, да побольше! Опытный фотограф предчувствовал удачу, понимая уникальность момента, фотографировать надо именно людей! Их лица. Эту темную толпу. Для француза, так много читавшего о Сталине, лидере СССР, загадкой стало: откуда так много плачущих и скорбящих людей? Неужели мифы о ненависти советского народа к Сталину — всего лишь пропаганда? Тевье сделал глоток сока, задумался и постучался в соседнюю дверь номера, но его встретила гробовая тишина. Анри осторожно нажал на ручку и заглянул в соседнюю комнату. Жан спал на кровати, но, услышав скрип двери, быстро сел:

— Я еще сплю.

— Нам доставили еду.

Неожиданно зазвонил гостиничный телефон. Жан взял трубку и услышал Петровича, который говорил на ломанном французском языке:

— Это номер 512? Вам доставили завтрак?

— Я не понимаю вас! Говорите медленнее!

Петрович что-то пытался объяснить, но Жан уже бросил трубку. Туманное утро проникало через шторы, совсем не настраивая на работу.

Они очень надеялись пройти по своим журналистским удостоверениям поближе к гробу в Колонный зал Дома союзов, но как сложится их будущая совместная статья для газеты «Париж» они вовсе не знали. Кроме того надо уже сейчас придумать способ срочно переправить фотоотчет и статью с похорон в Париж. Впрочем Арни Тевье — не привыкать! Откуда только он не связывался с родной редакцией! Он зашел в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Щетина заметно отросла, он быстро намылил помазок и начал бриться, решив ликвидировать свою бородку. Жан тем временем совсем проснулся и решил выйти на балкон. Ярко сияли красные рубиновые звезды, башня Кремля, часы на Спасской башне — все впечатляло. Золотая стрелка медленно подошла к римской цифре X, колокольчики зазвонили, куранты прокурлыкали десять раз, когда неожиданно ударил большой кремлевский колокол. Жан Мишо окончательно проснулся, вид из окна гостиницы все же был потрясающим: музей с белой крышей и черная булыжная мостовая. И люди, черная волна человеческих тел, которая потоком лилась по площади. Казалось, она никогда не кончится!

Жан зашел в номер, услышал звук льющейся воды из крана в ванне, достал бинокль из своего чемодана, поправил резкость, вышел опять на балкон и навел его на мавзолей, но там шли какие-то приготовления и толпа явно шла мимо. Где и когда поставят в итоге гроб с телом Сталина? Информации в руках у французских корреспондентов оказалось мало, очень мало. А советским газетам вряд ли можно доверять! Мишо задумался: надо бы сказать Тевье, чтобы он обязательно сделал побольше снимков на свою Leука. Он задумался. Вряд ли комиссия Голикова открыта в эти дни, нужно начать работу! А вот как доставить оперативный материал в Париж- знал только бывалый фотограф? И как успеть к новой верстке? У него назрело куча

вопросов к опытному Тевье. Он зашел в комнату с балкона, подошел к двери ванны, постучал. Месье Тевье открыл дверь и увидел Мишо с биноклем, тот пробормотал:

— Арни, я проснулся. Мне совсем не хочется местный завтрак. Не хочешь ли ты в ресторан? Нам есть что обсудить. — Я посоветую тебе ресторан Националя на первом этаже, там отличные цыплята табака.

— Хорошо, а потом попробуем пробиться на похороны Сталина.

— Да, конечно. Судя по всему прощание, как мы и думали, случится

7—8 марта. А вот 9 марта гроб перенесут в Мавзолей к Ленину. Надо успеть везде побывать, все зафиксировать и успеть передать материал в Париж. Чтобы передать статью, нужно просить наше посольство. Я знаком лично с помощником посла и готов ему позвонить!

Жан кивнул. Он подошел к радиоприемнику на ножках в углу номера. В углу стоял маленький телевизор КВН, но почему-то его включать не хотелось. Мишо крутанул ручку громкости. Приемник засветился и неожиданно в тишине прозвучало объявление советского радио:

«Говорит Москва! Центральный комитет КПСС, Верховный Совет Советского Союза, сообщают. Дорогие друзья! Центральный комитет коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта, в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался председатель Совета министров СССР и председатель Коммунистической партии Советского Союза, Иосиф Виссарионович Сталин! Перестало биться сердце великого соратника и продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и народа всего Советского Союза: Иосифа Виссарионовича Сталина!»

Жан удивленно крутил ручку, передвигая тонкую зеленую ниточку на другую радиоволну, но где будут прощаться со Сталиным диктор (по моему его звали Левитан, имя случайно всплыло в его памяти) не сообщал. Жан поймал французскую волну, сделал громче: радио Франции сообщало о новостях в Париже, о забастовке на заводе Рено, о визите президента Венсана Ориоля

в Западный Берлин. Жан достал из своего чемодана портативную печатную машинку-подарок родителей. Он ее очень любил. Протерев клавиши мягкой тряпкой, вставил лист, напечатал: 7 марта 1953, и остановился. Работать сейчас не хотелось, хотелось новых впечатлений.

Он быстро оделся, накинул плащ, взял зонт. Анри тем временем вышел из ванны, прошел внутрь своей комнаты, быстро достал из шкафа и надел на себя чистую белую рубашку. Жан прислушался, за дверью соседа слышалось шуршание:

— Я жду Вас в холле, Арни!

— Жан, хорошо!

Месье Мишо покинул гостиничный номер, но когда дверь за ним закрылась, внезапно прилетевший белый голубь с силой ударился о раму его окна и бился долго и мучительно о стекло. Арни услышал странный звук, выскочил с фотоаппаратом в руках. Он только-только зарядил его новой пленкой, но птица уже улетела, испугав фотокорреспондента до смерти.

Когда месье Арни Тевье вышел в холл, он был настроен на работу, однако колючий и подозрительный взгляд портье, которому он сдал ключи от номера 512, заставил его вспомнить о странной птице:

— Держите ключ от номера.

— Вы надолго уходите? Я предупрежу горничную (кладет ключи в ячейку) Мы работаем до 22:00.

— Спасибо. Мы будем не поздно.

Тевье глодало какое-то смутное подозрение, он знал, что сотрудники гостиницы — сплошь агенты советской разведки, и здесь нужно держать «ухо восторо!» Черт его дери это советское царство торжества пролетариата! В СССР он бывал ни один раз и каждый раз пора-

жался на сколько далек от него мир советского человека, которые вот так огромной толпой оплакивает того, кто был убийцей тысячи и тысячи людей. Впрочем он всегда чувствовал себя одиноко в командировках, не только в СССР, часто напивался в одиночестве, но никому об этом не рассказывал, поддерживая в редакции славу опытного завсегда и страстного путешественника. Единственное, что грело Тевье- это будущие уникальные снимки, за которыми он гонялся, как настоящий охотник в лесной чаще. Но где же юный журналист?

Жан сидел на черном диване напротив лифта, Арни Тевье спустился на лифте, подошел к нему и тихо сказал:

— Сделать горячий репортаж о смерти лидера столь мощной страны, как СССР, можно считать почетным заданием! Есть мы будем нескоро. По этому предлагаю плотный завтрак тире обед перед походом в Колонный зал Дома Союзов!

Арни похлопал Жана по плечу, и через пять минут уже сидели за столиками ресторана в Национале. Официант принес им меню, поставил хлеб и горчицу. Арни чувствовал себя отлично, он будто отогнал от себя дурное настроение, бодро диктуя блюда из меню:

— И так: суп харчо, цыплята табака и картошка жареная, водка в графине!

Официант быстро записал в блокнот все, что было заказано, и вышел. Дождавшись, когда он отойдет подальше, Жан выдвинул предложение:

— Я думаю, что нам нужно получить список приглашенных официальных лиц.

— О, это просто организовать! Нам нужно позвонить сегодня в редакцию газеты «Правда» и получить список приглашенных на похороны Сталина. С ним будет прощаться не только народ (махнул рукой) Придут соратники, которые будут дежурить у гроба в Кремле!

В этот самый момент официант принес им харчо и водку в графинчике. Жан попробовал суп, он был ожигающим и острым. Хлеб оказался весьма кстати. Арни намазал горчицу на хлеб, Жан пожал плечами и повторил за ним, но откусив, обжегся. Арни захохотал и налил ему водки, сказав:

— Русские блюда надо уметь есть! (быстро выпил свою стопку) Кстати, нигде не говорят о причинах смерти и что за болезнь поразила Сталина. Лишь некто Маленков, а я читал газету от 2 марта, сообщил членам Президиума ЦК о кровоизлиянии в мозг и тяжелом состоянии здоровья Сталина.

— Его смерть так ожидаема!

— Ну, это одна из версий! Говорят, он валялся на полу и к нему не звали врачей. Кто-то и вовсе предположил, что его отравили. Говорили о заговоре собственных спецслужб... (он выпил еще водки и улыбнулся) А что будет дядюшке Арни за список важных гостей на похороны? Вдруг среди них убийца Сталина! (подмигивает Жану) Представляешь какую сенсацию мы раскопаем!

Жан посмотрел внимательно на Тевье, он заметно быстро пьянел. Неожиданно он посмотрел по верх головы юного корреспондента, за соседним столом сидел человек в сером пиджаке, который внимательно изучал газету. Тевье бросил подозрительный взгляд на столик справа-и там сидел человек

в сером, рассматривающий газету «Правда». Тевье понизил голос, притянул Жана к себе поближе:

— Говори тише, советская служба безопасности, не выпускает нас из вида со дня приезда! Ты обратил внимание на портье и горничную? Они явно — спец агенты!

Жан дернулся, оглянулся, такие мысли не приходили ему в голову. Арни продолжал жарким шёпотом:

— Уверен, что они обыщут наши вещи в наше отсутствие... Надеюсь, ты не оставил письмо Леблана в номере?

— Конечно, нет... А с чего ты...

Арни посмотрел на его испуганное лицо и захохотал:

— С тебя бутылка армянского коньяка! За найденный список лиц, допущенных к похоронам! Он — очень удачный, найдешь в местном и знаменитом Елисейском магазине на улице Горького. Отсюда где-то минут десять ходьбы, если сможешь пробраться сквозь толпу прощающихся. А это в противоположную сторону!

Жан попробовал есть, но аппетит резко пропал, чувствовать себя под прицелом советской разведки не хотелось:

— Так с чего ты взял, что за нами следят?

— Интуиция... И опыт. Кстати, как ты собираешься передавать статью? Чтобы материал остался актуальным, нам надо организовать его передачу где-то вечером сегодня и завтра, до 17—00 по Парижу.

— Статью я могу надиктовать по телефону, связь здесь прямо из номера и мы успеем к верстке. Перье будет орать, но надеюсь поймет ситуацию. А вот как вы передадите пленки с отснятым материалами? Даже если отправить их с нарочным из посольства- лететь ему специальным торговым рейсом часов семь. Да и будет ли этот рейс- вопрос!

— Я сейчас съем своего цыпленка и пойду звонить знакомым. Да,

с отправкой пленок в Париж надо будет спешить. Они должны появиться самое позднее в шесть в типографии, но думаю, что это уже 8 марта. А впереди еще и 9! И там явно будет что снимать рядом с Мавзолеем. Надо узнать, когда будут устанавливать вывеску с именем Сталина. Возможно, я успею сделать уникальный кадр. Эх, давно, я не работал так оперативно!

Арни сделал движение рукой, и официант мгновенно понял его. На столе появился еще один графин с водкой. Они продолжили обедать, обсуждая командировку, которая обещала быть насыщенной. Помимо очерка о похоронах Арни Тевье пытался помочь Жану найти комиссию по репатриации. Он достал из кармана ручку с чернильным пером, и стал на салфетке рисовать, где находится комиссия Голикова:

— Я узнал для тебя точный адрес этой комиссии...

— Репатриированных? Спасибо...

— Я готов делать репортаж о наших пленных для первой полосы «Парижа». Если ты возьмешь меня с собой в ГУЛАГ. Я много лет мечтаю попасть туда, а тут ты-со своей темой. Если ты найдешь этого своего Анджи- это будет сенсация!

— Я очень хочу туда попасть, но снимать там? Нам вряд ли разрешат. Главное- найти его и вытащить оттуда. Наверное твои связи в посольстве пригодятся!

— Ну-ну... Новичок! Не стоит торопиться.

Арни похлопал его по плечу и продолжил есть цыпленка, быстро окуная свои пальцы в глубокую миску с водой и лимоном, которую поставил на стол услужливый официант. Жан следовал его примеру, из цыпленка сочился жир, тонкая и румяная кожица лопалась на тонких косточках, а Арни все подливал Жану водку из графина.

— Ваше здоровье, Жан!

Сумрачное утро 9 марта 1953 наступило как обычно и казалось не отличалось от других дней. Уже четыре дня длился траур, по радио передавали только грустные мелодии, а голос Левитана каждый день сообщал об общем горе, поразившим весь советский народ. Огромная толпа тех, кто хотел проститься со Сталиным, не кончалась, и все так же стояла у Манежа и у входа в Колонный зал Дома Союзов. Люди несли цветы, играл Большой симфонический оркестр, оперные певицы пели «Грезы» Шумана на площади, а почетный караул охраны Кремля в виде красноармейцев с винтовками на перевес сменяли друг друга. Флаги — красные полотнища с золотистым серпом и молотом и черными лентами приспустили, портреты генералиссимуса в черной рамке все еще весели на каждом углу. Арни с Жаном еще не уехали, хотя все статьи и пленки успешно уехали в Париж. Судя по публикациям родной газеты- все сложилось. Оставалось попасть в Мавзолей. Эти утром, 9 марта, они быстро спустились по лестнице гостиницы «Националь» и через полчаса растворилась в московской толпе. Арни не терял

времени и быстро фотографировал, Жан записывал свои впечатления карандашом в блокнот. Они так увлеклись репортажем, что не заметили, как их быстро отрезала охрана Кремля. Для иностранных корреспондентов построили целый подиум, красная бархатная лента и золотая цепочка на крючке отделяла их от входа в мавзолей, где стоял гроб с телом Сталина. На самом мавзолее специальной краской было написано: Ленин. Сталин. Новую мраморную плиту изготовить не успели и обошлись простой имитацией. Впрочем толпе людей, которая заполнила все пространство перед Красной площадью, эта имитация казалась правдой. Они действительно плакали, не сдерживая слез при виде надписи под мрамор: «Сталин». И людей становилось все больше и больше, они прощались навсегда с «великим учителем всего советского народа».

Лиля Шварц в то утро пребывала в плохом настроении, она вышла из своей квартиры с двумя авоськами в руках, чтобы купить в магазине все, что нужно. Ее статная фигура, изящная батистовая кофточка еще революционных времен и бежевый кардиган, подчеркивал благородные черты лица.

С возрастом она не стала менее красивой, и ее рассказы о том, как она кружила головы поэтам Серебряного века, казались вовсе не старческой выдумкой. Старость и военные тяготы все же тронули ее лицо, его изрезали мелкие морщинки. Впрочем даже они ее отчаянно красили. Лиля Шварц никогда не выходила из квартиры без своего ридикюля, в котором держала губную помаду, пудру, флакончик французских духов, подаренных ей давним-давно. Хотя красить губы ей во время и после войны почему-то вовсе не хотелось, а духами она не душилась из экономии, одно сознание, что все это уютно лежало в ее сумочке - успокаивало и делало Лилу дамой. Она вышла из квартиры, спустилась по лестнице, припудрила нос, глядя в маленькое зеркальце трофейной пудреницы, купленной по случаю на барахолке, и подошла к почтовому ящику. Запустив руку в тайный карманчик, достала ключик от почтового ящика, открыла его и вынула из железного короба письмо и телеграмму. На телеграмме выделялся герб на печати и три полоски с текстом: «*Растопчиной. Явиться. На пробы. Фильм «Светлый путь». Мосфильм. Отдел актерский*».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.